

ВЕСТНИК СВФУ

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

**№ 2 (26)
2022**

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»**

**SERIES
«HISTORY.
POLITICAL SCIENCE. LAW»**

Электронное научное периодическое издание

Издается с 2016 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

16+

2 (26) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

Главный редактор:

А.Н. Николаев, д. б. н.

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурыкин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Г. Гольдфарб*, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания; *Санг-Ву Ким*, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; *А. А. Петров*, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Дж.-Хо Чо*, проф. Университет Мёнджи, Южная Корея; *В. И. Васильев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.

HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»:

Заместитель главного редактора, редактор серии: *А. А. Муталиева*, к. ю. н.

Выпускающий редактор: *А. А. Павлова*, к. ю. н.

Технический редактор: *Н. Ю. Печетова*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Густав Вахтер, доктор права, проф., Инсбрукский университет имени Леопольда и Франца, Австрия; *Флориан Штаммлер*, научный сотрудник, Лапландский научный центр, Финляндия; *В. К. Андреев*, д. ю. н., проф., академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия, Россия; *Л. В. Андреева*, д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Россия; *Т. Б. Басова*, д. ю. н., проф., Дальневосточный федеральный университет, Россия; *Л. В. Бертовский*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *П. В. Гоголев*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *А. М. Дроздова*, д. ю. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *В. В. Кванина*, д. ю. н., проф., Южно-Уральский государственный университет, Россия; *М. Е. Колесникова*, д. и. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *К. Г. Малыхин*, д. и. н., проф., Южный федеральный университет, Россия; *А. Ю. Мамычев*, д. пол. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *Т. С. Минаева*, д. и. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *Д. Н. Миронов*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Ю. Д. Петров*, д. полит. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. Н. Радченко*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. А. Стручкова*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. С. Тимофеев*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. Е. Шапаров*, д. пол. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. С. Шаталов*, д. ю. н., проф., Московская академия Следственного комитета РФ, Россия.

Адрес учредителя и издателя:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

Адрес редакции:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 367.

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Сайт редакции: <https://histvfu.elpub.ru/jour/>

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES

Electronic scientific periodical

Published since 2016

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«M. K. Ammosov North-Eastern Federal University».

2 (26) 2022

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; *L. G. Goldfarb*, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *Sang-Woo Kim*, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea; *V. V. Krasnykh*, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; *A. A. Petrov*, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation; *L. D. Radnayeveva*, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation; *L. Salmon*, Prof., University of Genoa, Italy; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *A. N. Tikhonov*, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea; *V. I. Vasiliev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology; *A. P. Isayev*, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. Biology, Corr. Member RAS, Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

THE EDITORIAL BOARD SERIES

Deputy Editor-in-Chief, editor of the series: *A. A. Mutalieveva*, Cand. of Law.

Production Editor: *A. A. Pavlova*, Cand. of Law.

Technical Editor: *N. Yu. Pechetova*, Cand. of Philology.

The members of the series' editorial board:

Dr. Gustav Wachter, Professor, University of Innsbruck, Austria; *Florian Stammer*, Research Professor, Arctic Center, University of Lapland, Finland; *V. K. Andreev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian State University of Justice, Russia; *L. V. Andreeva*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University, Russia; *T. B. Basova*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Russia; *L. V. Bertovsky*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *P. V. Gogolev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. M. Drozdova*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *V. V. Kvanina*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, South Ural State University, Russia; *M. E. Kolesnikova*, Doctor of Historical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *K. G. Malykhin*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia; *A. Y. Mamychev*, Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *T. S. Minaeva*, Doctor of Historical Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *D. N. Mironov*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *Y. D. Petrov*, Doctor of Political Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. N. Radchenko*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. A. Struchkova*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. S. Timofeev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *A. E. Shaparov*, Doctor of Political Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *A. S. Shatalov*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the RF, Russia.

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial Office address: 367 off., 42 Kulakovskogo st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Faculty of Law of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

<https://histvfuepub.ru/jour>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Кузьмин И. П., Павлова А. А.</i> К вопросу отграничения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ	5
<i>Расторгуева А. А., Дьячковская В. В.</i> К вопросу о предоставлении государственных гарантий и компенсаций в рамках статьи 186 ТК РФ	9
<i>Шаталов А. С.</i> Обеспечение международно-правовых стандартов соблюдения прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве	13

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Парфенова О. А., Саввин М. В.</i> Общественный строй якутов в средневековье	21
<i>Яковлев А. И., Николаев Е. А.</i> Жизнь современного якутского села (на примере с. Мэйик и с. Тамалакан Верхневилуйского улуса)	34

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Анисимова Л. И.</i> Общепризнанные принципы и нормы международного права – место в современной классификации источников права	41
<i>Немчинов А. Ю.</i> Сибирское чиновничество в середине XIX века (на примере бюрократического аппарата Тобольской губернии)	49

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

<i>Атласова С. С.</i> К 85-летию Михаила Михайловича Хатылаева	55
<i>Корякина З. И.</i> Обзор Всероссийской научно-практической конференции Северо-Восточного федерального университета «Российский уголовный процесс в эпоху перемен»	58

CONTENTS

LAW

<i>Kuzmin I. P., Pavlova A. A.</i> On the issue of delineation of crimes provided for in part 4 of article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation	5
<i>Rastorgueva A. A., Dyachkovskaya V. V.</i> On the issue of providing state guarantees and compensations under article 186 of the Labor Code of the Russian Federation	9
<i>Shatalov A. S.</i> Ensuring international legal standards for the observance of human and civil rights and freedoms in Russian criminal proceedings	13

HISTORICAL STUDIES

<i>Parfenova O. A., Savvin M. V.</i> The social structure of the Yakuts in the Middle Ages	21
<i>Yakovlev A. I., Nikolaev E. A.</i> The life of a modern Yakut village: the case of Meyik and Tamalakan villages of Verkhneviluysky District	34

YOUNG RESEARCHER'S TRIBUNE

<i>Anisimova L. I.</i> Universally recognized principles and norms of international law: their place in the modern classification of sources of law	41
<i>Nemchinov A. Y.</i> Siberian officials in the mid-19th century: the bureaucratic apparatus of Tobolsk Governorate	49

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Atlasova S. S.</i> To the 85th anniversary of Mikhail Mikhailovich Khatylaev	55
<i>Koryakina Z. I.</i> Review of the All-Russian scientific and practical conference of the North-Eastern Federal University «Russian Criminal Procedure in the Era of Change»	58

– ПРАВО –

УДК 343.412

И. П. Кузьмин, А. А. Павлова

К вопросу отграничения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отграничения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ. Авторы, изучив объективные и субъективные признаки данных составов преступных деяний, приходят к выводу, что решающее значение для отграничения одного состава преступления от другого имеет субъективная сторона преступления, что подтверждается и приведенными примерами из судебной практики.

Ключевые слова: право на жизнь, тяжкий вред здоровью, смерть потерпевшего, неосторожность.

I. P. Kuzmin, A. A. Pavlova

On the issue of delineation of crimes provided for in part 4 of article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article discusses the issues of delineation of crimes provided for in Part 4 of Article 111 of the Criminal Code and Article 105 of the Criminal Code. The authors, having studied the objective and subjective features of these elements of criminal acts, come to the conclusion that the subjective side of the crime is crucial for distinguishing one element of the crime from another, which is confirmed by the examples from judicial practice.

Keywords: right to life, serious injury to health, death of the victim, negligence.

КУЗЬМИН Иван Петрович – магистрант, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: iakuzmin@inbox.ru

KUZMIN Ivan Petrovich – Master's student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс», Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: arzulana@bk.ru

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Право на жизнь и право здоровье занимают ведущие места в системе конституционных прав человека в России, в связи с чем они являются важнейшим объектом уголовно-правовой охраны, посягательство на которые влечет за собой наиболее строгие меры уголовной ответственности.

	2017	2018	2019	2020	2021
ст. 111 УК РФ	348	361	337	290	270
в т. ч. по ч. 4 ст. 111 УК РФ	84	68	56	52	79

Исходя из вышеприведенных статистических данных видно, что на территории Республики Саха (Якутия) с 2019 г. растет доля деяний, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, к доле общего числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ. Так, с 2018 по 2021 годы их процентная доля составляет 18,836 %, 16,617 %, 17,931 % и 29,259 % [3].

Отметим, что вопреки прогнозам экспертов роста домашнего насилия на фоне пандемии COVID-19 не было зафиксировано, в связи с чем мы приходим к выводу, что рост доли преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, не связан с преступностью в семейно-бытовой сфере [4, с. 80-81].

В правоприменительной практике нередко возникают проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отграничения его от преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ.

Согласно теории уголовного права, структура любого состава преступления представляет собой постоянную, состоящую обязательно из четырех взаимосвязанных друг с другом элементов, таких как объект, субъект, объективная и субъективная стороны [5, с. 11]. Если рассмотреть элементный состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, то разграничение от ст. 105 УК РФ по таким элементам как объект, субъект и объективная сторона не представляется возможным в связи с «однородностью действий, производимых в ходе совершения указанных преступлений, причинной связью между действием и последствием, а также совпадением субъектов и последствий в виде смерти потерпевшего» [6, с. 40].

Полагаем, решающее значение для отграничения данных составов преступлений имеет субъективная сторона преступления, которая в деянии, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ, имеет двойную форму вины, выражающуюся в наличии умысла к последствиям в виде причинения тяжкого вреда здоровью и неосторожности к последствиям в виде смерти [7, с. 145].

Это подтверждается также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», согласно абз. 1 п. 3) которого при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности [8].

Исследователями указываются следующие сочетания форм и видов вины в отношении тяжкого вреда здоровью и смерти в рамках этого деяния:

- 1) прямой умысел – преступная небрежность;
- 2) прямой умысел – преступное легкомыслие;
- 3) косвенный умысел – преступная небрежность;
- 4) косвенный умысел – преступное легкомыслие [9, с. 4].

Небрежность отличает то, что лицо не предвидит наступления смерти потерпевшего в результате своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности оно должно было и могло это предвидеть.

В свою очередь, при легкомыслии предвидение наступления смерти отличается тем, что лицо не осознает действительного развития причинной связи между причинением тяжкого вреда здоровью и смертью потерпевшего, хотя при надлежащем напряжении психических сил могло осознать это.

О наличии проблемы в определении вида неосторожности в деянии, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ свидетельствует и судебная практика.

Так, согласно Приговору Черемховского районного суда Иркутской области № 1-118/12 от 21 ноября 2012 г. по делу № 1-118/12, умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, нанесение ударов по его различным частям тела, в том числе обухом топора в жизненно важный орган – голову, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, судом было расценено как легкомыслие, что порождает ряд вопросов, в частности, как подсудимый самонадеянно о рассчитывал, нанося удары обухом топора в жизненно важный орган потерпевшего, предотвратить смерть потерпевшего, какие обстоятельства якобы способные противостоять развитию причинной связи между причинением тяжкого вреда здоровью и смертью потерпевшего были им избраны [10]?

В свою очередь, в соответствии с Приговором Актанышского районного суда Республики Татарстан от 24 мая 2022 г. по делу N 1-20/2022 нанесение с целью причинения тяжкого вреда здоровью тупым твердым предметом не менее одного удара в область правой подглазничной области потерпевшей, а после кухонным ножом не менее одного удара в область расположения жизненно-важных органов человека – в брюшную полость справедливо было расценено судом как преступная небрежность, которая действительно проглядывается в характере самого деяния виновного [11].

Рассмотрев два случая со схожими приговорами, можно сказать, что разница в деяниях виновных в том и другом случае существенна. В первом случае, учитывая характер нанесенных повреждений и используемое орудие, можно с большой натяжкой говорить о легкомыслии в действиях виновного.

В практике подобные приговоры встречаются довольно часто, что еще раз показывает недостаточную проработанность данного вопроса, и обусловленные им трудности при вынесении приговора.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 11 ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 марта 2022 г. N 13 ст. 1952.
3. Показатели преступности в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] // <https://err.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 26.05.2022 г.).
4. Майоров А. В., Великий А. А. Оттенок пандемии (COVID-19) в криминализации российского общества // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. №1. С. 80-81.
5. Булыгина Е.В. Взаимосвязь элементов состава преступления // Вопросы студенческой науки. 2017. №14. С. 11.
6. Заказчиков В.В. Отграничение преступления, предусмотренного Ч. 4 ст. 111 УК РФ, от смежных составов преступлений: проблемы судебной практики // Отечественная юриспруденция. 2016. № 10. С. 40.
7. Плаксина Т.А. Практика назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Уголовная юстиция. 2018. №11. С. 145.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» // «Российская газета» от 6 марта 2015 г. N 47,

9. Адельханян Р. Субъективная сторона особо тяжкого преступления против здоровья (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Уголовное право, 2000. № 1. С. 4.
10. Приговор № 1-118/12 от 21 ноября 2012 г. по делу № 1-118/12 [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/НК8jYuqaPCu/> (дата обращения: 27.05.2022 г.)
11. Приговор Актанышского районного суда Республики Татарстан от 24 мая 2022 г. по делу N 1-20/2022 [Электронный ресурс] // <https://arbitr.garant.ru/#/document/328233362/paragraph/12/doclist/16311/showentries/1/highlight/:10>

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 16 marta 2020 g. N 11 st. 1416.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. N 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 marta 2022 g. N 13 st. 1952.
3. Pokazateli prestupnosti v sub'ektah Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] // <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (data obrashcheniya: 26.05.2022 g.)
4. Majorov A. V., Velikij A. A. Ottenok pandemii (COVID-19) v kriminalizacii rossijskogo obshchestva // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2021. №1. S. 80-81.
5. Bulygina E.V. Vzaimosvyaz' elementov sostava prestupleniya // Voprosy studencheskoj nauki. 2017. №14. S. 11.
6. Zakazchikov V.V. Otgranichenie prestupleniya, predusmotrennogo CH. 4 st. 111 UK RF, ot smezhnyh sostavov prestuplenij: problemy sudebnoj praktiki // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2016. № 10. S. 40.
7. Plaksina T.A. Praktika naznacheniya nakazaniya za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu, povlekshee po neostorozhnosti smert' poterpevshego (ch. 4 st. 111 UK RF) // Ugolovnaya yusticiya. 2018. №11. S. 145.
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. N 1 «O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st.105 UK RF)» // «Rossijskaya gazeta» ot 6 marta 2015 g. N 47,
9. Adel'hanyan R. Sub'ektivnaya storona osobo tyazhkogo prestupleniya protiv zdorov'ya (ch. 4 st. 111 UK RF) // Ugolovnoe pravo, 2000. № 1. S. 4.
10. Prigovor № 1-118/12 ot 21 noyabrya 2012 g. po delu № 1-118/12 [Elektronnyj resurs] // <https://sudact.ru/regular/doc/НК8jYuqaPCu/> (data obrashcheniya: 27.05.2022 g.)
11. Prigovor Aktanyshskogo rajonnogo suda Respubliki Tatarstan ot 24 maya 2022 g. po delu N 1-20/2022 [Elektronnyj resurs] // <https://arbitr.garant.ru/#/document/328233362/paragraph/12/doclist/16311/showentries/1/highlight/:10>

А. А. Расторгуева¹, В. В. Дьячковская²

К вопросу о предоставлении государственных гарантий и компенсаций в рамках статьи 186 ТК РФ

¹*СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия*

²*БГУ, г. Иркутск, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предоставления дней отдыха, связанных со сдачей крови и (или) ее компонентов, отказ со стороны работодателя в предоставлении таких дней и самовольное использование таких дней работником при отказе работодателя в их предоставлении. Проведен поиск, подбор, систематизация анализ судебной практики по делам о применении статьи 186 Трудового кодекса Российской Федерации. Авторами предлагается установить на законодательном уровне обязанность информирования в уведомительном порядке о намерении сдачи крови и (или) ее компонентов работодателя.

Ключевые слова: донор, гарантии, компенсации, трудовое законодательство, кровь, донор крови, дни отдыха, компенсации, прогул, судебная практика, трудовое право.

A. A. Rastorgueva¹, V. V. Dyachkovskaya²

On the issue of providing state guarantees and compensations under article 186 of the Labor Code of the Russian Federation

¹*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia*

²*Baikal State University, Irkutsk, Russia*

Abstract. The article deals with the issues of providing rest days related to blood donation and/or its components, refusal by the employer to provide such days and unauthorized use of such days by an employee if the employer refuses to provide them. The search, selection, systematization and analysis of judicial practice in cases on the application of Article 186 of the Labor Code of the Russian Federation were carried out. The authors propose to establish at the legislative level the obligation to inform the employer of the intention to donate blood and (or) its components in a notification manner.

Keywords: donor, guarantees, compensation, labor legislation, blood, blood donor, rest days, compensation, absenteeism, judicial practice, labor law.

РАСТОРГУЕВА Александра Андреевна – старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс», Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: cemaya@mail.ru

RASTORGUEVA Aleksandra Andreevna – Senior Lecturer, Department of Civil Law and Civil Procedure, Law Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

ДЬЯЧКОВСКАЯ Валентина Валерьевна – магистрант кафедры гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

E-mail: valentinakazakova1597@gmail.com

DYACHKOVSKAYA Valentina Valerievna – Master's student, Department of Civil Law and Procedure, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Основополагающими нормативно-правовыми актами, регулирующими гарантии и компенсации работникам при сдаче крови и ее компонентов, является Трудовой кодекс Российской Федерации от 31.12.2001 №197 (ТК РФ) и Федеральный закон от 20.07.2012 №125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (Закон о донорстве).

Порядок предоставления работнику дней отдыха и их оплаты в связи со сдачей крови и (или) ее компонентов определен статьей 186 ТК РФ [1].

Донором крови и (или) ее компонентов признается лицо, добровольно прошедшее медицинское обследование и добровольно сдающее кровь и (или) ее компоненты.

Донором крови и (или) ее компонентов может быть любое дееспособное лицо, являющееся гражданином Российской Федерации либо иностранный гражданин (лицо без гражданства), который проживает на территории Российской Федерации на законных основаниях не менее одного года, достигшее восемнадцатилетнего возраста, либо приобретшее дееспособность до достижения им восемнадцатилетнего возраста в соответствии с законодательством Российской Федерации, добровольно изъявившее желание сдать кровь и (или) ее компоненты, предварительно прошедшее добровольное медицинское обследование и не имеющее медицинских противопоказаний для сдачи крови и (или) ее компонентов [2].

При осуществлении донорства крови лицо, осуществляющее трудовые функции в соответствии с ТК РФ, обладает рядом гарантий, которые в свою очередь предоставляет работодатель по требованию, установленному в законодательстве РФ.

В список таких гарантий включены предоставление выходного дня в день сдачи крови и (или) ее компонентов, а также в день прохождения медицинского осмотра, связанного со сдачей крови и (или) ее компонентов, и выплата среднего заработка.

Дополнительно предусматриваются гарантии для почетных доноров и доноров, сдавших в течение года безвозмездно кровь и (или) ее компоненты в объеме, равном двум максимально допустимым дозам, так они приобретают право на первоочередное приобретение по месту работы или учебы льготных путевок на санаторно-курортное лечение.

Нормы частей первой и четвертой статьи 186 ТК РФ направлены на защиту прав доноров и носят гарантийный характер, который направлен на обеспечение работнику возможности восстановить и поддержать здоровье после сдачи крови и (или) ее компонентов.

При изучении судебной практики выявлены проблемы, с которыми сталкивается как работник, так и работодатель.

Основная проблема, которая нами выявлена, это отсутствие необходимости уведомления работником о сдаче крови и (или) ее компонентов работодателя, согласие работодателя в предоставлении дня отдыха в день сдачи крови и (или) ее компонентов работнику, а также предоставление по соглашению с работодателем любого дня в течение года после сдачи крови и (или) ее компонентов в случае выхода на работу (пребывание в ежегодном оплачиваемом отпуске / выходном / нерабочем праздничном дне) в день сдачи крови и (или) ее компонентов.

Право на получение дня отдыха за сдачу крови и (или) ее компонентов возникает у лица, на момент сдачи крови и (или) ее компонентов состоявшего в трудовых отношениях до дня его увольнения.

В ряде случаев изученной судебной практики [3] усматривается ситуация, когда работником был взят день отдыха, который работодатель расценил как прогул и привлек такого работника к дисциплинарной ответственности.

При этом работодатель полагал, что положения статьи 186 ТК РФ обязывают работника предварительно уведомлять работодателя о намерении сдачи крови и (или) ее компонентов и получения дня таких действий согласия работодателя, а также уведомлять о факте сдачи крови и (или) ее компонентов и о желании использовать день отдыха в письменном виде.

Исходя из практики верховных судов, на данный момент не являются прогулом дни, взятые работником после сдачи крови и (или) ее компонентов. Отсутствие согласования с работодателем выхода в день сдачи крови и (или) ее компонентов не лишает работника права получить дополнительный день отдыха после дня сдачи крови и (или) ее компонентов [4].

При неисполнении норм трудового законодательства работодатель привлекается к административной ответственности в порядке, предусмотренном статьей 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [5].

Так как предоставление дополнительных дней отдыха, указанных в статье 186 ТК РФ, направлено на поддержание и сохранение здоровья донора(работника), работодатель не имеет права отказывать в их предоставлении. Более того время использования гарантированных дней отдыха зависит от волеизъявления работника, а не работодателя.

Между тем работодателю для исполнения законодательно возложенной обязанности по предоставлению дополнительных дней отдыха необходимо обеспечить нормальное функционирование организации в отсутствие работника.

Исходя из текста статьи 186 ТК РФ, можно сделать косвенный вывод о необходимости уведомления работодателя о сдаче крови и (или) ее компонентов и намерении использовать свое право на предоставление дополнительных дней отдыха. Однако прямого указания на обязательность такого уведомления статья 186 ТК РФ не содержит. Что неизменно вводит в заблуждение работодателя, так как у него нет возможности заблаговременно узнать о планах работника иным способом, кроме как прямым его уведомлением о таких намерениях. В таких условиях у работодателя также при отсутствии уведомления отсутствует возможность скорректировать работу и заменить отсутствующего работника, что не может не сказаться на производственных функциях предприятия.

Однако нужно помнить, что на основании Федерального закона от 20.07.2012 №125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» донорство крови и ее компонентов, которые используются для медицинской помощи и могут быть получены только от человека, является свободно выраженным добровольным актом гражданина. Гражданин совершает этот акт с риском для собственного здоровья в интересах охраны жизни и здоровья других людей, а значит в интересах государства и общества в целом. Поэтому государство гарантирует донору защиту его прав и охрану его здоровья; донору гарантируются льготы, связанные с восстановлением и поддержанием его здоровья, что соответствует конституционно значимым целям и предопределяет обязанности по отношению к донорам как государства, так и организаций независимо от форм собственности [6].

Изучив нормативно правовые акты и позицию судов, авторы приходят к мнению, что для устранения возникающих проблем в связи с реализацией работниками права на дополнительные дни отдыха, предоставляемые за сдачу крови и (или) ее компонентов, необходимо на законодательном уровне установить обязанность работника по информированию работодателя. Если такое информирование будет носить заявительный характер, работодатель может счесть возможным отказать в удовлетворении такого заявления. Уведомительный характер не предполагает возможности отказа работодателем в предоставлении гарантий и компенсаций, положенных работнику. Руководствуясь вышеизложенным, во избежание двоякого толкования предлагается установить именно уведомительный характер информирования работодателя работником о намерении сдачи крови и (или) ее компонентов, а не заявительный.

Следовательно внесение поправок касательно обязательности уведомления работником работодателя о планируемом дне сдачи крови и (или) ее компонентов в действующее законодательство РФ позволит избежать подобных разногласий.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ// Российская газета от 31 декабря 2001 г. N 256
2. Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов»// Российская газета от 23 июля 2012 г. N 166
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 8 апреля 2004 г. N 72
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ// Российская газета от 31 декабря 2001 г. N 256
5. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 59-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горового Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 186 Трудового кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс»

References

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ// Rossijskaya gazeta ot 31 dekabrya 2001 g. N 256
2. Federal'nyj zakon ot 20.07.2012 № 125-FZ «O donorstve krovi i ee komponentov»// Rossijskaya gazeta ot 23 iyulya 2012 g. N 166
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 № 2 «O primenении sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii»// Rossijskaya gazeta ot 8 aprelya 2004 g. N 72
4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ// Rossijskaya gazeta ot 31 dekabrya 2001 g. N 256
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26.01.2010 № 59-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Gorovogo Alekseya Konstantinovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu chetvertoj stat'i 186 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii»// SPS «Konsul'tantPlyus»

А. С. Шаталов

Обеспечение международно-правовых стандартов соблюдения прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве

Московская академия Следственного комитета, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых аспектов, непосредственно связанных с соблюдением прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве. По мнению автора, их перечень, предусмотренный Конституцией РФ, в полной мере перекликается с содержанием действующих в этой сфере международно-правовых актов, а общепризнанные принципы, нормы и международные договоры Российской Федерации, непосредственно касающиеся прав и свобод, учитываются ее уголовно-процессуальным законодательством, в котором не отрицается их приоритет и не ограничивается действие. На фоне анализа его нормативных положений и сложившейся судебной практики в статье подробно описано, каким образом сейчас происходит применение международно-правовых принципов, норм и договоров при производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: международные договоры, общепризнанные нормы международного права, общепризнанные принципы международного права, права и свободы человека, правосудие, судебная власть, уголовное судопроизводство.

A. S. Shatalov

Ensuring international legal standards for the observance of human and civil rights and freedoms in Russian criminal proceedings

Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of key aspects directly related to the observance of human and civil rights and freedoms in Russian criminal proceedings. According to the author, their list provided for by the Constitution of the Russian Federation fully echoes the content of international legal acts in force in this area, and generally recognized principles, norms and international treaties of the Russian Federation directly related to rights and freedoms are taken into account by its criminal procedure legislation, which does not deny their priority and does not limit their effect. Against the background of the analysis of its normative provisions and the established judicial practice, the article describes in detail how the application of international legal principles, norms and treaties is currently taking place in criminal proceedings.

Keywords: international treaties; generally recognized norms of international law; generally recognized principles of international law; human rights and freedoms; justice; judicial power; criminal proceedings.

ШАТАЛОВ Александр Семенович – д. ю. н., профессор кафедры уголовного процесса, Московская академия Следственного комитета РФ. г. Москва. Россия.

E-mail: asshatalov@rambler.ru

SHATALOV Alexander Semenovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Procedure, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Введение

Закрепленное в Конституции РФ положение о ее высшей юридической силе означает, что ее нормы имеют верховенство над всеми другими законами и иными нормативными правовыми актами [13]. В то же время, следуя международным стандартам, Основной закон нашей страны исходит из приоритета общепризнанных принципов и норм международного права, а предусмотренный в нем перечень прав и свобод человека и гражданина в полной мере корреспондирует содержанию международно-правовых актов в этой области [1]. В случае расхождения с ними какого-либо национального закона, они должны применяться напрямую как имеющие более высокую юридическую силу. Нормы международного права в области прав и свобод человека не только имеют приоритет перед внутренним законодательством, но и определяют содержание соответствующих конституционных норм. Соответственно международные договоры, подписанные от имени Российской Федерации, а также общепризнанные принципы и нормы, касающиеся прав и свобод, не могут быть изменены российским законодателем. Это, в свою очередь, означает, что он не в состоянии предпринять какие-либо шаги, направленные на ограничение общепризнанных принципов и норм международного права, действующих в мировом сообществе, которые изменили бы обязательства Российской Федерации в отношении этих прав. В противном случае это означало бы отказ от действующего конституционного регулирования.

Нарушения общепризнанных принципов, норм международного права и международных договоров, как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей, подлежат устранению, прежде всего национальными судами. Иначе такие нарушения могут быть признаны основанием для вмешательства международной юрисдикции, которую принято рассматривать в качестве субсидиарного способа защиты прав и свобод, но не заменяющего, а дополняющего практику национальных юрисдикций. Контроль за соблюдением таких прав в Российской Федерации вот уже почти четверть века обеспечивается признанием юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Он осуществляется постоянно и практически во всех жизненно важных сферах, в т. ч. в уголовном судопроизводстве. С целью придания такому контролю легитимного характера, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России (УПК РФ) с момента его вступления в законную силу было четко провозглашено, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международного договора (ч. 3 ст. 1 УПК РФ) [11]. В 2020 г. это законодательное предписание было дополнено положением о том, что применение таких правил не допускается лишь в их истолковании, противоречащем Конституции РФ [12]. Противоречие такого рода может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8].

Общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры как источники уголовно-процессуального права Российской Федерации

Несмотря на наличие данной вполне уместной оговорки в тексте закона, приведенное нормативное положение по сути означает, что в уголовном судопроизводстве России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17). Права и свободы человека характеризуют правовой статус каждого человека по отношению к государству. Они носят естественный и ингерентный характер. В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации права и свободы человека применяются непосредственно в пределах ее юрисдикции. Именно они определяют смысл, содержание и применение законов в уголовном судопроизводстве и обеспечиваются право-

судием. Неправильное применение судом общепризнанных принципов, норм международного права и международных договоров Российской Федерации, может быть основанием для отмены или изменения решения, принятого судом по уголовному делу. Само же неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда суд не применил норму международного права, подлежащую применению, или когда им было дано неправильное толкование нормы международного права.

В идеале такое толкование должно осуществляться судом в соответствии со ст.ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров [4], где четко определено, что при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Сам договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора [4, ст. 31].

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Более того, частью этой системы являются заключенные Союзом ССР действующие международные договоры, в отношении которых Российская Федерация продолжает осуществлять международные права и обязательства СССР в качестве государства – продолжателя Советского Союза. Их содержание раскрыто в документах Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специальных учреждений, а определения сформулированы в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ [14]. Общепризнанные принципы международного права в нем понимаются как основополагающие императивные нормы международного права, принятые и признанные международным сообществом государств в целом, отступление от которых недопустимо. К ним относятся, в частности, принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Общепризнанная норма международного права – это правило поведения, принятое и признанное международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Международный договор РФ в данном постановлении трактуется как международное соглашение, заключенное РФ с иностранным государством (государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного названия. Это означает, что понятие «международный договор» фактически является родовым, поскольку охватывает все международные соглашения, имеющие такие безличные наименования, как декларация, протокол, коммюнике, пакт, трактат, конвенция и др. Независимо от своего наименования, все они имеют одинаковую юридическую силу, заключаются (как правило) в письменной форме и представляют собой соглашение между двумя или несколькими государствами относительно установления, изменения или прекращения взаимных прав и обязанностей.

В Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» сказано, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств [9, ст. 2]. Решения межгосударственных органов (т. е. органов, в компетенцию которых входит рассмотрение жалоб граждан различных государств на нарушение их прав и свобод), принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ не подлежат исполнению в Российской Федерации [9, ст. 5]. Более того, не вступившие в силу для Российской Федерации международные

договоры, признанные Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ, не подлежат введению в действие и применению [9, ст. 34].

Международные договоры РФ могут заключаться от имени государства, от имени Правительства РФ и от имени федеральных органов исполнительной власти. Соответственно этому они приобретают статус межгосударственных, межправительственных или межведомственных договоров. Положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для их применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений ее международных договоров принимаются соответствующие правовые акты [9, ст. 5]. К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников, по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств. Например, международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно-наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств, путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом. Примерами здесь могут служить: Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.) [3], Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.) [5], Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.) [6] и др. По существующему порядку, международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться российскими судами в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора РФ (например, ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны») [14, п. 6].

При рассмотрении судом уголовных дел непосредственно применяется такой договор Российской Федерации, который вступил в силу (т.е. стал для нее обязательным) и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права [9, ст. 5]. Решая вопрос о возможности применения договорных норм международного права, российские суды должны исходить из того, что международный договор вступает в силу в порядке и в дату, предусмотренные либо в самом договоре, либо в сроки, согласованные между участвовавшими в переговорах государствами. При отсутствии такого предписания или договоренности договор вступает в силу, как только будет выражено согласие всех участвовавших в переговорах государств на его обязательность [4, ст. 24].

По общему правилу, все международные договоры РФ подлежат обязательному опубликованию в Собрании законодательства РФ или в Бюллетене международных договоров, в порядке, установленном ст. 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Правила действующего международного договора РФ, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органами государственной власти, заключившими данный договор. Правила действующего международного договора РФ, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Международный договор подлежит применению и в том случае, если Российская Федерация в лице компетентных органов государственной власти выразила согласие на обязательность для нее международного договора посредством одного из действий, перечисленных

в ст. 6 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (т. е. путем подписания договора, путем обмена документами, его образующими, путем ратификации договора, путем утверждения договора, путем принятия договора, путем присоединения к договору, а также любым иным способом, о котором условились договаривающиеся стороны, но при условии, что указанный договор вступил для нее в силу).

Например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2] была ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 г., а вступила в силу 5 мая 1998 г., в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно ст. 59 данной Конвенции [10]. К сожалению, Российская Федерация вскоре перестанет являться ее Высокой Договаривающейся стороной, поскольку 5 марта 2022 года она официально вышла из Совета Европы. Именно это обстоятельство предопределило выход нашего государства из данной Европейской конвенции. Как следствие, с 16 сентября 2022 г. россияне лишатся права на обращение в Европейский суд по правам человека. Важно отметить, что обязательность его практики к моменту выхода Российской Федерации из Совета Европы уже не была абсолютна, поскольку измененная в 2020 г. ст. 79 Конституции РФ обрела положения, позволяющие не исполнять решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Основному закону нашей страны. Отчасти появление такого конституционного регулирования объясняется тем, что по итогам 2020 г. Российская Федерация лидировала по количеству неисполненных решений ЕСПЧ. На ее долю приходилось более трети всех дел, ожидающих исполнения [15, с. 37–69].

Заключение

Воспринимая эти сведения, не следует недооценивать, а тем более обесценивать влияние практики Европейского суда на отечественную правовую систему, поскольку внешний суд выступает мощным стимулирующим фактором для надлежащего осуществления правосудия национальными судами. Возможность обратиться в этот суд была и пока остается важным наднациональным инструментом правовой защиты, т. к. в ближайшие годы ЕСПЧ будет рассматривать как уже поданные россиянами жалобы, так и те, что еще поступят в него до момента выхода России из Конвенции. Сейчас в этом суде находится порядка 18 тыс. жалоб российских граждан, уже признанных первоначально приемлемыми, и еще какое-то количество уже поданных жалоб вскоре должно пройти первичный фильтр.

Когда-нибудь Россия непременно вернет себе членство в Совете Европы и вновь ратифицирует Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. До наступления этого времени поддержание национального законодательства на уже достигнутом уровне его соответствия конвенционным положениям является той задачей, которую, безусловно, следует выполнять российскому юридическому сообществу. Сами же общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации были и остаются источниками российского уголовно-процессуального права. Именно они имеют решающее значение в деле формулирования общих положений уголовно-процессуального закона и применяются российскими судами общей юрисдикции при разрешении вопросов как материального, так и процессуального характера. При этом суды руководствуются положениями тех международных договоров Российской Федерации, которые вступили в силу для Российской Федерации и были официально опубликованы. Применяя их, они учитывали содержание норм международного права, а также интерпретацию этих договоров международными договорными органами при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации [16, с. 1].

Нормативные правовые акты и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12. 12. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01. 07. 2020 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11. 05. 2022).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04. 11. 1950 г.) (с изм. от 24. 06. 2013 г.) (вместе с «Протоколом [№1]» (Подписан в г. Париже 20. 03. 1952 г.), «Протоколом №4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16. 09. 1963 г.), «Протоколом №7» (Подписан в г. Страсбурге 22. 11. 1984 г.)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 11. 05. 2022).
3. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заключена в г. Нью-Йорке 30. 03. 1961 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/14433efb307051c7e01bf2ef8b10184fbd535a2/ (дата обращения: 11. 05. 2022).
4. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23. 05. 1969 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/ (дата обращения: 10. 05. 2022).
5. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Заключена в г. Гааге, 16 декабря 1970 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540347/> (дата обращения: 11. 05. 2022).
6. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Заключена в г. Нью-Йорке 17 декабря 1979 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2541135/> (дата обращения: 11. 05. 2022).
7. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22. 01. 1993 г.) (ред. от 28. 03. 1997 г.) (вступила в силу 19. 05. 1994 г., для Российской Федерации 10. 12. 1994 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/
8. Федеральный конституционный закон от 21. 07. 1994 г. №1-ФКЗ (ред. от 01. 07. 2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/1d92c3924cb7be769427053c0be41ea1dec4bce0/#dst100817 (дата обращения: 11. 05. 2022).
9. Федеральный закон РФ от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения: 11. 05. 2022).
10. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30. 03. 1998 г. №54-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (дата обращения: 11. 05. 2022).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 25. 03. 2022 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.05.2022).
12. Федеральный закон от 08. 12. 2020 г. №419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370104/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 11. 05. 2022).
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 г. №9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 2013. 24 апр. №89 (6065).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (дата обращения: 11. 05. 2022).

15. Monitoring the implementation of laws and decisions of the European Court of Human Rights. 14-th annual rapport of the Committee of Ministers – 2020. This publication was copied by the Department for the Execution of Decisions. The European Court of Human Rights. Council of Europe, March 2021. Printed at the Council of Europe. – 87 p.

16. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 декабря 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/obzor-praktiki-primenenija-sudami-obshhepriznannykh-printsipov-i-norm-mezhdunarodnogo/>

Regulatory legal acts and literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12. 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07. 2020) // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of request: 11. 05. 2022).

2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome 04.11. 1950) (with amendments. dated 24. 06. 2013) (together with «Protocol [No. 1]» (Signed in Paris on 20. 03. 1952), «Protocol No. 4 on ensuring certain Rights and Freedoms in addition to those already included in the Convention and the First Protocol thereto» (Signed in Strasbourg 16. 09. 1963), «Protocol No. 7» (Signed in Strasbourg on 22. 11. 1984)) // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (date of request: 11. 05. 2022).

3. The Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 as amended in accordance with the 1972 Protocol on Amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 (Concluded in New York on 30. 03. 1961) // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/14433efb307051c7e01bf2ef8b10184fba535a2/ (date of request: 11. 05. 2022).

4. Vienna Convention on the Law of International Treaties (Concluded in Vienna on 23. 05. 1969) // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/ (date of request: 10. 05. 2022).

5. Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft (Concluded in The Hague, December 16, 1970) // [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/2540347/> (date of request: 11. 05. 2022).

6. The International Convention against the Taking of Hostages (Concluded in New York on December 17, 1979) // [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/2541135/> (date of request: 11. 05. 2022).

7. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 21. 07. 1994 (ed. of 01. 07. 2021) «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/1d92c3924cb7be769427053c0be41ea1dec4bce0/#dst100817 (date of application: 11. 05. 2022).

8. Federal Law of the Russian Federation No. 101-FZ of July 15, 1995 «On International Treaties of the Russian Federation» // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (date of request: 11. 05. 2022).

9. Federal Law «On Ratification of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols Thereto» dated 30. 03. 1998 No. 54-FZ // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (date of request: 11. 05. 2022).

10. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (ed. of 25. 03. 2022) // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481/ (date of appeal: 11.05.2022).

11. Federal Law No. 419-FZ dated 08.12.2020 «On Amendments to Article 1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370104/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (date of application: 11. 05. 2022).

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 16, 2013. No. 9 «On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 8 «On Certain Issues of Application by Courts of the Constitution of the Russian Federation in the Administration of justice» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. 24 Apr. No.89 (6065).

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003. No. 5 «On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation» // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (date of request: 11. 05. 2022).

14. Monitoring the implementation of laws and decisions of the European Court of Human Rights. 14–th annual rapport of the Committee of Ministers – 2020. This publication was copied by the Department for the Execution of Decisions. The European Court of Human Rights. Council of Europe, March 2021. Printed at the Council of Europe. – 87 p.

15. Review of the practice of application by courts of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation when considering criminal cases (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 8, 2021) // [Electronic resource]. – Access mode: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/obzor-praktiki-primeneniya-sudami-obshchepriznannykh-printcipov-i-norm-mezhdunarodnogo/> (date of request: 11. 05. 2022).

16. Review of the practice of application by courts of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation when considering criminal cases (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 8, 2021) // [Electronic resource]. – Access mode: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/obzor-praktiki-primeneniya-sudami-obshchepriznannykh-printcipov-i-norm-mezhdunarodnogo/>

– ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ –

УДК 93/94

О. А. Парфенова, М. В. Саввин

Общественный строй якутов в средневековье

СВФУ им. М.К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье дается анализ терминов и потестарной власти якутов средневековья, а также основные характеристики и особенности властного устройства якутского средневекового общества. Актуальность работы обусловлена тем, что любые вопросы, связанные с новыми подходами к изучению властных структур, являются всегда актуальными, новые исследования в отношении кочевников открыли дорогу к новым исследованиям не только в якутоведении, но и в вопросе общественного строя. Так, проблема устройства якутского общества является слабо исследованной, объективной причиной этому является то, что социально-политическая организация якутского общества XVII в. не реконструирована. Сказался недостаток источниковой базы, есть ограниченное количество казачьих документов и фольклорных источников. Целью данной статьи является попытка выявления особенностей и характерных черт общественного строя якутов в средневековье. В соответствии с поставленной целью закономерно решение следующих конкретных задач: провести анализ терминов и потестарной власти якутов средневековья, а также описать основные характеристики и особенности властного устройства якутского средневекового общества. В статье применяются следующие методы: историко-генетический при описании происхождения явлений власти и народов; историко-сравнительный при анализе сходства и расхождения типов общественного строя якутов и кочевников Центральной Азии; комплексный подход; системный подход при рассмотрении общества в целом; семантический анализ, применен в анализе якутской терминологии; институциональный метод при указании таких институтов потестарного господства, как клан, линидж и господский род, а также делается попытка обоснования существования института вожества у якутов. В результате исследования средневековое общество определяется как переходное к вожеству, в дальнейшем исторической науке предстоит более детально изучить признаки этого типа общественного устройства, характерные для средневековых якутов, а также типологизировать и выделить его особенности. Дальнейший сбор этнографических и археологических данных позволит дополнить теоретические суждения фактологическими материалами.

Ключевые слова: вожество, господский род, линидж, клан, якутское средневековое общество, Тыгын, полукочевое общество, родоплеменная структура, традиционная семья, родоплеменная терминология.

ПАРФЕНОВА Ольга Афанасьевна – к. и. н., доцент, зав. кафедрой, Исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: poaysu@mail.ru

PARFENOVA Olga Afanasievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of a department, Historical Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

САВВИН Максим Владимирович – студент, группа Б-ПОИО-17, Исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: maximsavvin1@gmail.com

SAVVIN Maksim Vladimirovich – student, Historical Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

O. A. Parfenova, M. V. Savvin

The social structure of the Yakuts in the Middle Ages

Abstract. This article describes the analysis of the terms and potestary power of the Yakuts of the Middle Ages, as well as the main characteristics and features of the power structure of the Yakut medieval society. The relevance of the work is due to the fact that any issues related to new approaches to power structures are always relevant, new research on nomads has opened the way to new research not only in Yakut studies, but also in the issue of social order, which has always been with us. Thus, the issue of the structure of the Yakut society is poorly researched. The objective reason for this is that the socio-political organization of the Yakut society of the 17th century has not been reconstructed due to the lack of a source base; however, there is a limited number of Cossack documents and folklore sources. The purpose of this article is an attempt to identify the features and characteristics of the social structure of the Yakuts in the Middle Ages. In accordance with the goal set, it is natural to solve the following specific tasks: to analyze the terms and potestary power of the Yakuts of the Middle Ages, to describe the main characteristics and features of the power structure of the Yakut medieval society. The following methods are used in the article: historical-genetic, when describing the origin of the phenomena of power and peoples; historical and comparative, when analyzing the similarities and differences between the types of social order of the Yakuts and nomads of Central Asia; a complex approach; a systematic approach, when considering society as a whole; semantic analysis, applied in the analysis of Yakut terminologies; institutional method, when indicating the institutions of potestary domination as a clan, lineage and master family; the paper also attempts to justify the existence of the institute of chieftdom among the Yakuts. The results and prospects of the research in the article, the medieval society is defined as a transitional society to the chieftdom, in the future, historical science will have to study in more detail the features of this type of social structure, characteristic of the medieval Yakuts, as well as typology and highlight its features. Further collection of ethnographic and archaeological data will make it possible to supplement theoretical judgments with factual materials.

Keywords: chieftdom, master family, lineage, clan, Yakut medieval society, Tygyn, semi-nomadic society, tribal structure, traditional family, tribal terminology.

Введение

Определение исторического прошлого с общественным строем является трудной задачей. Но не является невозможным, т.к. задача исторической науки в данном случае – дать историческую объективность представленной картины прошлого. С развитием исторической науки и с расширением доступа к различным источникам информации появляется возможность по-новому взглянуть на эту проблему в истории. В частности, это коснулось и вопроса общественного строя якутов в средневековье, где с возрастанием интереса и благодаря новым исследованиям аналогичных форм общественного строя в мировой истории можно исследовать проблему общественного строя якутов средневековья с новых позиций и подходов. В данной статье были использованы следующие методы: историко-генетический, историко-сравнительный, комплексный подход, системный подход, семантический анализ, институциональный метод. Для реализации цели настоящего исследования необходимо рассмотреть общественный строй якутов средневековья, соответственно задачами являются проведение анализа терминов и потестарной власти якутов средневековья, а также описание основных характеристик и особенностей властного устройства якутского средневекового общества.

В качестве материалов исследования были использованы уже опубликованные источники, которыми послужили сборник якутского фольклора, исторические предания и легенды собранные С.И. Боло [1], Г.В. Ксенофоновым [2] и А.Е. Кулаковским [3].

В области данной проблематики работали Г.Ф. Миллер [4], привнесший в российскую науку западные методы, а также использовавший широкую источниковую базу для своего исследования, в том числе и по Якутии. Я.И. Линденау [5] работал с фольклорными

данными дорусского периода истории якутов. В.Л. Серошевский [6] создал первый подробнейший труд по якутам о быте, хозяйстве и взаимоотношениях, в целом. Г.А. Попов [7] изложил концепцию северного феодализма. Л.Г. Левенталь [8] создал концепцию связи тойоната с шаманством. Ряд авторов были едины во мнении о патриархально-феодальном строе якутов: Г.П. Башарин [9], С.В. Бахрушин, О.В. Ионов, Ф.Г. Сафронов. А.П. Окладников [10] определял форму власти как зрелый устоявшийся феодализм. С.А. Токарев [12] применял термин «военная демократия» (при которой внутренние дела решал совет старейшин), но формационно относил ее к рабовладельческому этапу. В.Н. Иванов [13] обозначал властную структуру «тойонатом», как сословие людей, возникших при разрыве социального неравенства. А.И. Гоголев [14] определял общественный строй как патронажно-иерархическую структуру с элементами феодализма, Ф.Ф. Васильев [15] также применял термин «тойонат», но подразумевая под ней все должностные лица раннеякутского улуса. А.А. Борисов [16] обозначал властную структуру термином «союз патронимий». О.А. Парфенова [17] впервые применяет термин «вождество» и описывает их на примере вождеств Тыгына, Легоя и Мымака. В.В. Ушницкий [18] также обозначил общественный строй якутов термином «вождество» и раскрыл данную концепцию в своих работах.

Семья в средневековом обществе якутов

Якуты – народ, известный в письменной истории с XVII в. и проживающий на территории современной республики Саха (Якутия). В XVII в. основной территорией расселения являлось среднее течение реки Лена. По разным, в том числе этнографическим, данным, якуты расселились здесь в начале второго тысячелетия, в X в., как утверждает археологическая наука (по А.И. Гоголеву) – в XIII в. [14].

Якутские племена занимались традиционно коневодством и разведением крупного рогатого скота и проживали на аласах по хуторскому типу расселения. Существует два мнения о типе якутского хозяйства: в XIX в. М.М. Сперанский относит якутов к кочевым и полукочевым скотоводам, а А.И. Гоголев пишет об оседлом характере якутского хозяйства [14]. В то же время А.А. Борисов относит якутское скотоводческое хозяйство к полукочевому хозяйству. Но скорее всего был постепенный переход от полукочевого образа жизни к оседлости. Есть предположение того, что в достаточно позднем периоде у саха сохранялся в большинстве полукочевое хозяйство и смена формации хозяйства был четко связан с присоединением к Российскому государству. Такие элементы государственности, как перепись плательщиков ясака, церковное крещение, письменное закрепление земельных участков за конкретными хозяевами способствовали оседлости, в какой-то степени это было выгодно тойонатству, так как способствовало сбору ясака.

Само тойонатство было неоднородным по составу: по сведениям Линденау, якуты разделяют себя по имущественному положению на определенные разряды или классы: «Баай» – богатый, «Мииннээх Баай» – незнающий счета своему богатству рогатым скотом и лошадьми. «Орто Баай», владеющий 5-6 табунами лошадей. Средний слой «Буоһах Итэрдээх» – имеющий 1-2 табуна лошадей. Низшее сословие – балыксыты – тоже имеют 2 класса: имеющий 2-х или 3-х коров (другое название такого человека – «балыксыт»), «тон балыксыт» – такой статус был у тех, кто не имел скота и жил в основном рыболовством. Возможно, в средневековом обществе якутов существовала при крупных тойонах должность советника, толкователя обычаев, традиций, норм обычного права в целях укрепления публичной власти. Сэркээн Сэһэнов упоминает А.И. Гоголев.

По мнению А.И. Гоголева, у якутов существовало две формы семьи: малая моногамная и большая патриархальная. Особенно сложным был состав большой патриархальной семьи. Патриархальная семья имела название отцовского рода и могла представлять собою как клан и линидж, а большие семьи были как линидж и клан. Также, у якутов встречается

термин «материнский род», который имеет по мнению А.И. Гоголева социально-экономическое происхождение от полигамного брака. Считается, что малая моногамная семья господствовала XVII-XIX вв. Большая патриархальная семья является наиболее архаичной. Древние отношения больше сохранялись у большой патриархальной семьи [18].

Понятия родственных связей всегда оказываются самыми древними в пласте лексики любого языка. При этом формация семьи меняется быстрее, чем система родства. Поэтому у многих современных народов имеется несоответствие между оставшейся старой терминологией системы родства и современной семьи. Такое встречается в целом среди всех тюркских народов: термин остается, семья меняется [19].

В основном, обзор якутских понятий родственных связей начинается с главы семейства, а именно с отца – аҕа, обозначение – отец. Ийэ – обозначает «мать». В тюркских языках для обозначения матери используется слово апа (анне). К ней ближе располагается тувинское слово ie «мать», наряду с ава, авай [20]. Уол – «сын», обозначает также «мальчик», термин оҕул, который обозначает «юноша» в краткой форме ол – ул, присутствует почти во всех языках тюркоязычных народов, чаще со своей спецификой. В старинных источниках оно передается через огул (ср. як. оҕо «дитя»). Термин кыыс – kuz «девочка» также встречается среди почти всех тюркоязычных народов, опять же со своей спецификой. Самый близкий по смыслу и значению понятие встречается в алтайском, гагаузском [21] и тувинском – кыс [20]. Понятие эдьий обозначает старшую сестру, сестру, тетю, в алтайском – эдье «тетка», «старшая сестра» [20]. Иини – «младший родственник по отцу», «родной брат», «племянник». В древних источниках письма тюрков иини – «младший родственник», «младший брат» [22]. Данное понятие имеет свою распространенность среди в основном кипчаков в языках северо-восточных азиатов. Слово иини в большинстве своем применяется в качестве обозначения младшего члена семьи. Словотаай применяется для всех родственников по матери. У тувинцев – даай, у алтайцев – таай «дядя со стороны матери». Имеющееся по возрасту отличие в расчет не берется. Сиэн применяется в значении внук, племянник. В различных вариантах встречается как слово уйген в древних письменных источниках у тюрков в точно таком же значении. В настоящее время самым схожим к якутскому варианту является алтайский вариант дьеен, казахский и каракалпакский варианты – zhien, киргизский – zheen, но уже только в значении «племянник по матери».

Понятием эһээ называют деда. Ачи, ачу, ичи встречается также в древнетюркских значениях как «старший родственник». Слово оҕо скорее всего имеет свои корни от также древней формы тюркского слова оке. У нынешних тюркоязычных народов данный термин имеет свое представительство как в женском, так и в мужском проявлении – «младшая сестра», «младший брат» и т.д. У слова ебе – эбэ имеется два семантических смысла – «мать», «бабушка», а в настоящее время они вышли из употребления [18]. Эбээ, обозначающее у якутов «бабушка», имеет достаточно близкое отношение по произношению из татарского языка к слову, обозначающему «старшая сестра отца или матери», «бабушка», а также башкирский ебеi в одинаковом смысле. Корни уходят также к древнетюркскому слову eze, к которому близок термин ezhe, распространенный почти во всех тюркоязычных языках в обозначении «мать» [18].

Термин балыс используется в обозначении младших по возрасту членов семьи: сестер, братьев и т.д. Корень данного слова исходит из слова бала «ребенок», «дитя». Слово балты обозначает в якутском языке «младшую родную или двоюродную сестру». В тюркском языке имеется схожее по произношению слово baldyz, обозначающее младшую сестру жены, свояченицу. Термин бии, обозначающий старшего брата, родного, двоюродного (дети мужского рода у родных братьев) имеет свой вероятный корень от слова beg, обозначающего «господин», «князь», «старший». Но в тувинском употребляется в значении старшего брата мужа [18].

Понятие сыган – сыбан «дети родных сестер» не имеет соответствий в других тюркских языках. Термин өбүгэ «предок» Э. Пекарский сводил со словом с өбүг «дед», «старик», абуга «младший брат отца». Также в телеутском языке встречается схожее обозначение өбөгө, употребляемое как «прадед», өбөгилөр, точно так, как и в якутском языке имеет значение «предки» [18]. Абаба «старший брат отца», «двоюродный дядя», «двоюродный дед», «брат прадеда», «престарелый в роде», точно также все тюркоязычные народы имеют термин абаба, у алтайцев, хакасов – абага. И обозначают также, как и в якутском языке, старшего по возрасту члена семьи.

Термин сурдьу в якутском языке обозначает младшего брата по отношению к старшей родной сестре [18]. Сиэн имеет значение «внук», «племянник». В древнетюркском есть слово jāgān, которое употреблялось в близких понятиях. В настоящее время тюркское слово уегеп имеет принадлежность к женским обозначениям родства: киргизский jienkyz, якутский сиэн кыыс «дочь дочери (внучка) или сестры». Предполагается, что из этого слова было создано слово в якутском языке сиэнчэр «потомство по прямой и боковой линии». И данный термин очень похож по своему лексико-смысловому значению слову зээнсэр монгольского происхождения [18].

Таким образом, якутский язык в силу своих исторических причин имеет намного больше черт классификационной системы родства, чем в любом другом языке среди тюркоязычных народов. К примеру, понятие убай употребляется не только в значении старшего брата, но и применяется для всех двоюродных, троюродных братьев по отцу; слово эдьий имеет употребление в основном ко всем сестрам по матери и отцу, не имея отличия в родных и «посторонних». В подавляющем большинстве случаев все вышеперечисленные слова имеют отношение к большому общетюркскому комплексу, конечно же, при этом имея свою специфичность в фонетике либо в семантике слова, будь оно в якутском или в другом тюркском языке.

Общая культурная близость и языковая схожесть тюркоязычных народов имеет все же свои расхождения в большинстве своем в терминах, обозначающих родственников по мужской линии, имея отличия по половозрастной дифференциации к обращаемому лицу, для родства по женской линии специфично расхождение терминов, касающихся обозначения поколений. Также не является обыденным использовать данные слова в звательном предназначении, но данные характеристики не относятся именно к якутскому языку, что объясняется его ранним расхождением в древности от общетюркских культурных обменов и связей. Скорее всего он уже в достаточно ранний период начал формироваться в отдельный язык со своей спецификой. Статичность якутской терминологии родства, ее древность, и даже архаичность по сравнению даже по с «орхонской» системой родства могут говорить о том, что возникшая у их предков малая форма семьи в дальнейшем приостановила выработку соответствующей терминологии, находясь в отрыве от родственных тюркских народов и в тех условиях, когда не было нужды менять систему родства, она сохранила многое из социально-экономических устоев архаического характера. Всему этому способствовал ландшафтно-климатический фактор Северо-Восточной Азии и Сибири. И все же, даже несмотря на свою обособленность, связанную с вышеперечисленными факторами, якутская терминология родства проявляет особую близость к алтайским, тувинским, хакасским, казахо-кыргызским терминам. Все названные этносы пребывали в условиях патриархально-феодалных отношений, характерных для кочевых народов Центральной Азии. Но в отличие от них якуты жили в XVI–XVII вв. в Центральной Якутии и в силу суровых климатических условий приарктической зоны и обширности территории мало обращали внимание на дальнейшее развитие и уточнение терминов родства.

Семейно-родственная терминология якутов является довольно сложной, в ней четко имеются половые разделения на мужские и женские термины, а также ярко выделяются возрастные категории. При этом терминов, обозначающих старшие категории больше, чем терминов, обозначающих младшие. В якутской традиционной семье возраст являлся обозначением постоянно приобретающегося социального статуса. Согласно приведенным данным, в семье можно выделить три поколения, и она могла быть достаточно многочисленной. Очевидно, наследство передавалось по мужской линии, т.к. родственники матери не имели экономического значения. Из этих терминов прослеживаются обычаи наследования, когда преимущество отдавалось старшим членам семьи, прежде всего мужчинам. В целом наследование шло по отцовской линии, что видно по данным терминам, и традиционная якутская семья (большая патриархальная) выражается в отношении «господства и подчинения».

В целом у народа саха сложилось так, что термины, касающиеся родства, остались в своей почти изначальной форме, это значит и то, что сам род в его классическом понимании со всеми своими признаками и функционалом в целом отсутствовал в обществе якутов средневековья, вместо этого превосходство начала набирать малая форма семьи, селившаяся по алаасам, а элементы потестарной структуры имели этнокультурный и территориальный характер. Группы народоплеменных соединений имели бесформенную структуру. В тот период якутское общество представляло из себя «первичную» или «постплеменную» народность, которая, как правило, возникает в кондициях догосударственного уровня из родоплеменных связей общества [23], и они не играли фундаментальную роль в ней. Наличие племени только подразумевалось. Родоплеменная терминология в этом отношении играла свою роль в обозначении наличия связи «господство – подчинение» среди якутских кланов и линиджей. Бесформенность и несформированность единой общности объясняется тем, что ландшафтно-климатические условия и переселение малыми группами привели к тому, что развитие пошло по экстенсивной форме, когда имелось еще и достаточное социальное расслоение при дальнейшем обживании малых семей алаасов в форме аласного скотоводства. «И когда на Средней Лене дальнейший рост народонаселения привел к оформлению народности, то уже отпала необходимость в такой общественной организации, как племя. Этим же объясняется отсутствие терминов периода военной демократии, например, десятичной системы организации общества» [24].

Исследователями выделены следующие общественные группы традиционной социально-политической организации якутского общества: ийэ ууһа (материнский род), аҕа ууһа (отцовский род), биис ууһа (род старших родичей), аймах уустар (родственные роды), дьон (племя, народ).

Ийэ ууһа (материнский род) обозначал строго экзогамное объединение близко родственных семей, происшедших от одного реального не столь далекого предка [24]. Некоторые исследователи считали, что «материнский род» являлся пережитком матриархата [11]. Но еще В.Л. Серошевский полагал, что он представлял собой разросшуюся ветвь «отцовского рода» в условиях полигамии [6]. Главы таких полигамных семей содержали свой скот на нескольких алаасах. Каждая жена вела свое отдельное хозяйство. Потомки одного отца, но разных жен в дальнейшем разветвлялись, составляли категорию родственных семей под названием ийэ ууһа. Он не вела объединенное хозяйство, но поддерживали хозяйственные (территориально-соседские связи, совместная собственность на промысловые угодья, пастбища, наличие общей территории), родственные и идеологические связи [24]. Поэтому многие аҕа ууһа состояли из объединений ийэ ууһа. Так, С.И. Боло по материалам преданий реконструирует генеалогию рода Омуоруя Тумарча, который имел 3 жен, 9 сыновей, 3 дочерей, слуг и работников. От его сыновей образовалось 7 ийэ ууһа [1].

Таким образом, ийэ ууһа не является пережитком матриархата, а есть «продукт патриархального общества, возникший в процессе приспособления оседлого скотоводства к природно-экологическим условиям Якутии» [25]. Поскольку ийэ ууһа происходит от реально существовавшего предка, а его члены локализованы вместе и представляют собой определенную хозяйственную общность, то по этим своим характеристикам он может быть определен как линидж (точнее патрилинидж, т.к. в нем велся отцовский счет родства).

Аҕа ууһа (отцовский род) в XVII в. представлял собой «группу родственных семей, объединенную экзогамным запретом, происшедшую от одного известного предка и носившую его имя» [25]. Он был неоднороден и состоял из нескольких ийэ ууһа, малых моногамных, а также полигамных семей (будущих материнских родов). «Отцовские роды» объединяли до 80 и более семей и до 10 «материнских родов». Однако по своим характеристикам они не были чисто родственными группами. Например, в отцовском роде Омуоруйа были известны 3-5 аймахов (больших семей), которые примкнули со стороны и жили в качестве слуг, работников. «Настоящие потомки Омуоруйа-бая им не давали вознестись, подавляли, держали лицом вниз. Видно, что данный аҕа ууһа уже не представлял собою чисто родственное объединение. Такое выделение «чужаков-иноплеменников» характерно для этнокультурной общности, который и был, по-видимому, в древности аҕа ууһа.

Немаловажна также и версия, что четкой структуры не представляется ввиду того, что не только нет четкой структурной понятийной базы, но и то, что обычно, родоплеменной термин воспринимается буквально в своем переводном значении [26]. Таким образом, существующая терминология не могла отразить процесс распада родоплеменных связей в якутском обществе. К примеру, темин аҕа имеет семантику не только как отец, но и как старший. Происхождение понятия биис ууһа. Н.К. Антонов выводит от бии «старший брат» и сизэн «племянник» [27]. Г.В. Ксенофонтов еще ранее мыслил о том, что в термине «зять Тыгына» не надо видеть прямое значение, а следует понимать под ней значение удельного князя, не имеющего родственных связей с тойон ууһа, в том числе и с фамилией самого Тыгына» [28]. Также термин дьон имеет свое значение не только в одном смысле и может под собой подразумевать народ, племя и просто людей. Таким образом, понимание данной догосударственной структуры могло иметь расхождения и разночтения между переходами якутского и русского. Для казаков было важно лишь местность нахождения определенного дьон, т.к. цель была лишь в получении ясака, поэтому данный термин был заменен на более подходящие для них волость, улус. Для якутов данного периода слово дьон имел значение в смысле принадлежности к определенному роду [11]. Народное понимание термина дьон имело значение племенного единства, поэтому Ф.Ф. Васильев мог говорить о том, что у якутов были родовые конфедерации [26]. Но на объективный взгляд, в более точном понимании слово дьон представлял собой не буквально племенное объединение, а территориально-этническое объединение нескольких кланов. В изучаемый период глава рода – «аҕа ууһун баһылыга». В фольклорных источниках их место занимают боотуры. По легендам и преданиям, во главе всей родни стоял кырдыаҕас баай, который лично проводил собрания наслегов и участвовал в судах и разбирательствах. Их всегда описывают как богатых, значимых и выделяющихся стариков [1]. А во главе «аймах уус» был «тойон баһылык», дьон возглавлял же тойон баай-баһылык [29].

Свою власть якутские тойоны выражали через инструменты публичной, экономической, военной сфер общества. Так, тойоны имели привилегию регулирования внутрисемейных отношений, существующих между семьями и кланами в рамках одного дьон, нормами обычного права [25]. Возможность влиять через инструмент публичной власти тойон имел, к примеру, во время празднества ысыах. Главной же ролью тойона было не что иное, как военное руководство. В данный период якутские дьон вели кровопролитную борьбу за

господство, которая была обозначена в фольклорных источниках как «кыргыс уйэтэ». Долгий процесс интеграции в течении XIII–XVII вв. привел к тому, что в рамках дьон стало возможным господство одного клана, которое выражалось в осуществлении контроля над этносоциальными процессами через своего тойона. В этом плане тойонат играл огромную роль как крупный собственник в социально-экономических отношениях средневекового якутского общества. Так, С.А. Токарев писал о том, что тойонат обычно содержал традиционную большую якутскую патриархальную семью [11]. Даже так, традиционная семья имела в основе своей малые семьи, а также общинный характер управления хозяйством.

Терминология родства и семьи у якутов является довольно сложной и имеет четкое разделение по половозрастным значениям. При этом терминов, обозначающих старшие категории больше, чем терминов, обозначающих младшие. В традиционной семье возраст был своего рода обозначением социального статуса, который постоянно приобретался. В семье обычно было три возрастных поколения, которые могли быть многочисленными. Наследство переходило только внутри аҕа уус, и ийэ уус не могли в ней претендовать на власть, т.к. они сами образовывали свой род и подчинялись главному линиджу, причем без учета разницы возраста главы линиджа.

В якутском обществе этого периода также шел активный процесс социальной дифференциации и осложнение родоплеменной структуры. Важной вехой в развитии якутской аристократической власти является усиленное разложение устоев. Родоплеменные связи выступали в первую очередь в сфере надстройки. А через племенную терминологию проявлялись отношения «господства–подчинения». Отдельные аҕа ууһа внутри дьон таким образом становились аристократией и, по мнению С.А. Токарева, представляли собой зарождающуюся форму широких межплеменных объединений. Существование у якутов понятия господский род – тойон ууһа, который вел свою родословную от первопредка Эллэ, говорит о том, что у якутов было понимание легитимности власти и авторитета среди тойонов. Так, все знатные упоминавшиеся князцы-тойоны Тыгын, Мымак, Легой были представителями господского рода, и здесь можно провести параллель с королевским линиджем империи Хунну, когда власть передавалась только внутри королевского линиджа, как и у якутов, власть могла передаваться только представителями тойон уус, также существовал институт ачыгынов (минорат), когда власть не только передавалась от отца к сыну, но и имела свой точный порядок передачи власти, младшему сыну.

Таким образом, потестарной структуре якутского общества были присущи такие признаки вождества, как выделение одной господствующей наследственной группы, зарождение сакрализации лидера этой группы, нормы генеалогического родства. Все это позволяет определить ее как переходную к вождеству.

Особенности и характерные черты средневекового общества якутов

Особенности семейной структуры якутов сыграли свою роль в формировании властного устройства якутов, а именно в том, что, в отличие от народов Центральной Азии, они не кочевали всем племенем, а приходили на Среднюю Лену малыми группами, и в условиях, когда население росло, а необходимости формировать одно племя не возникло, то с образованием народности оно начало обратный процесс децентрализации. Таким образом, у якутов не возникло нужды объединиться и таким образом сформировать бюрократическую структуру управления вождеством, а отсутствие внешнего врага и большой опасности в целом объясняет отсутствие также и десятичной военной системы, которая и служила фактором возникновения бюрократической системы степного типа. Управление у якутов происходило путем расширения родоплеменной структуры над малыми моногамными семьями, так они были включены в дьон, но не имели права власти в нем, которые имели только господские роды тойон уус.

У якутов властная родоплеменная структура только подразумевается, в отличие от четко зафиксированной хуннской бюрократической системы степного типа, основанной на десятичной системе. Якутская структура не проявляется так ясно и видна на примере отношений, также достаточно четко проявляется в таких понятиях и терминах, как кланы и линиджи, что уже сообщает о том, что существовала своя иерархичная система внутри рода, а существование тойон ууса (господский род) говорит о том, что тойоны, происшедшие от первопредков, основавших якутскую народность, имели особое право среди других тойонов, имея большую легитимность своей власти и возвышенную роль над другими тойонами, что позволяло им навязывать свою волю другим кланам и объясняло их нещадную борьбу друг с другом, когда равные по происхождению Легой и Тыгын не смогли определить первенство между собой, а бетюнский тойон Мымак, происшедший от Улуу Хоро, не принимал чуждой власти Тыгына, кроме своей собственной. Имеются также достаточно четко выраженные отношения «господства и подчинения» в родоплеменной терминологии, где встречаются разделение по возрастному и имущественному принципу. Можно также добавить, что в фольклорных источниках всегда имеется свой стереотипный образ господина, что отражает присутствие иерархичной структуры в обществе. Все это аргументирует в пользу того, что якутское общество средневековья имело все признаки присутствия социального неравенства, которое выражалось в терминах и во взаимоотношениях между неравными между собой субъектами.

Были и особенности якутского хозяйства – аласное скотоводство. В условиях, когда не было внешних угроз и ландшафтно-климатические условия не были способны дать возможность развить производство интенсивными методами, данные факторы вынуждали и дальше расширить обрабатываемые земли экстенсивным методом производства и полагаться на ресурсы своего местоположения. В таких кондициях было возможно распределять население все дальше друг от друга, когда как в Центральной Азии помимо ландшафтно-климатических условий существовали также факторы присутствия оседлого народа в близости и постоянные конфликты с другими кочевьями, которые вынуждали их объединяться под одним ханом и переходить от общинной формации к аильной, когда из орды образовывается кочевая империя, позволяющая расширить производство уже отдельным семьям, в условиях когда были доступны ресурсы оседлых народов и сформировавшееся политическое объединение обеспечивало безопасность всей кочевой империи. Но если у якутов весь этот процесс был статичен, то у кочевой империи это имело повторяющийся циклический характер, когда одна кочевая империя заменяла другую через определенный промежуток времени.

Контакты между якутскими кланами были достаточной редкостью и встречались только в особых случаях, например, циклически контактировали при проведении праздника ысыах, а также при военных действиях между собой или при заключении брака между кланами. Все это отличается от Центральной Азии, где контакты происходили достаточно часто, и при кочевье они пересекались так или иначе, еще чаще пересекались в конфликтах за пастбища и при нарушении границ кочевий. Особенностью контактов в Центральной Азии также является возможность выхода на контакт с оседлыми цивилизациями и торговли с ними, или совершать на них набеги, таким образом получая материальные блага и капитал, что не было возможным для якутских вождей средневековья, которые, впрочем, имели контакты с другими народами через эвенков, которые выступали посредниками между якутскими вождествами и южными кочевниками. Впрочем, отсутствие регулярных контактов, особенно в торговле приводило к тому, что тенденций к образованию центра аккумуляции торговли, ремесла и административной власти у якутов не возникло.

Характерным является также отсутствие контроля торговли с единым пространством, в отличие от народов Центральной Азии, это приводит к тому, что не возникают регуляр-

ные контакты и торговля среди якутских вожеств. Н.Н. Крадин описывает, что у хунну контроль торговли привел к появлению над региональной элиты, которая с помощью накопленного авторитета и контроля внешней торговли могла управлять периферийными регионами кочевой империи, которые зависели от своего центра. Таким образом, у якутов не возникло региональной элиты в периферии якутских вожеств, зависящих от торговой мощи и влияния центра, выстраивая сложную цепь подчинения «центр–периферия».

Отсутствовала также возможность добывать материальные блага, капитал и «престижные товары» при помощи набега на соседний оседлый народ или через торговлю, все это приводило к тому, что у кочевья происходил процесс расслаивания общества и социального неравенства, выделявший центральную аристократию, середняков и бедные слои населения, как описано у Н.Н. Крадина. У якутов же происходили набеги друг на друга, таким образом обеднялся сосед и обогащался род, но для полной редистрибуции и активного расслаивания этого не хватало. Характерным отличием от народов Центральной Азии было то, что если у них это происходило централизованно против внешних врагов и добыча редистрибуцировалась внутри кланов, то у якутов оно происходило в форме междоусобицы, не позволяя развить единую общность, и использовалось для обогащения одного рода. Но, по мнению С.А. Токарева, прослеживаются зачаточные тенденции к объединению в приведенных примерах военно-грабительских походов на соседей у якутов [11]. Захват материальных благ в Центральной Азии приводил в целом к толчку в развитии, сопровождавшемуся повышением уровня социального неравенства, и расслоении аристократии на богатых и бедных, структурно усложняя управление кочевой империей. У якутов же трудно отследить усложнение родоплеменной структуры управления, но плавно оно расслаивается на три слоя: богатых (баай), середняков (буоһах иитэрдээх) и бедняков (балыксыт), кроме того, что существовал еще класс зависимого населения по типу «кулут» (раб) [1], но есть неофициальная версия, что выделенный из хангаласского дьон – хара хангалассцы (эргисцы) являются вольными мужиками для выпаса хангаласского скота [30].

Религия также имеет в этом вопросе важное место, а точнее мировоззрение. Если в степях, помимо тенгрианства, появлялись, например, буддистские монахи или китайские мудрецы даосов, привнесшие в кочевое общество инструменты инородной, усложненной обрядовости и сакрализации власти вождя (легитимизации), то у якутов с этим было сложнее. Известно, что обрядовость в якутский народ привнес один из его прародителей Эллэй Боотур, как, например, обряд кумысопития, но процесс религиозного мировосприятия у якутов формировался дольше, в нем встречаются элементы не только тенгрианства, которое по своей сути монотеично, встречаются также элементы тотемизма, анимизма, шаманизма и философского мистицизма, которое уже не характерно для мировоззрения степей, а характерно больше для дальневосточного мировоззрения. Якутская религиозность также является сложносоставной, что прямо отличает ее от тенгрианства, а процессу ее полного формирования помешал приход православной веры, который в дальнейшем описан А.Е. Кулаковским [3] как эволюция черной веры, по аналогии с иезидами. Если для консолидации власти в степях вожди принимали чужую веру, как, например, буддизм или даосизм, то в Якутии процесс развития религиозности шел дольше, чем у всех народов Центральной Азии. Но даже тут, по описанию В.Ф. Трошанского, якуты из христианства переняли только обрядовость и имели размытое понимание ада и рая и полное непонимание христианских добродетелей, так, в частности, автор указывает, что богатый якут был полностью уверен в том, что его богатства будут доступны ему и в загробной жизни [31]. Такое усложнение и необычайная наполненность якутской религиозности можно объяснить разноплеменным происхождением народа саха из скифо-сибирского и хуннского этногенеза, по А.И. Гоголеву [13], который в своем даже легендарном происхождении имеет трех первопредков: Омогой Баай, Эллэй Боотур и Улуу Хорю.

Также у якутов остались значительные знания о комплексе военного дела, которые выразились в очень развитой металлургии, имеющей связи с Южной Сибирью. В ремесле по изготовлению боевого оружия и брони наблюдается широкий комплекс разнообразного вида вооружений ближнего боя, несмотря на то, что куячий период был очень коротким, а также не менее развитое оружие дальнего боя, к примеру «чаачар» (арбалет), все это говорит в пользу того, что развитое военное дело было и до прихода на Среднюю Лену и продолжалось совершенствоваться и практиковаться в дальнейшем. Отдельно описывается отбор на становление «бөбү» и боотуров, которыми прежде всего становились дети тойонатства, а серьезное обучение было доступно лишь детям из военных сословий [26].

Военная обрядовость по типу обрядов инициации воина и др. говорит о существовании профессионального воинства, которое также отражается в терминах. В работе Ф.Ф. Васильева также упоминаются оборонительные сооружения [26], которые якуты строили до и после прихода казаков, по описанию острога с записей казаков он определил, что оборонительная постройка соответствует по описанию в местности Кулуһуннаах. Присутствуют и способы ведения боя, методы и тактики, которые описаны у С.А. Токарева и Ф.Ф. Васильева при осаде острога в якутском восстании 1634 г. Военное дело якутов достаточно идентично военному делу кочевых и полукочевых народов Центральной Азии. Но отличием было то, что в потестарной власти якутов воины были не только ресурсом власти, но и сливались с ней, таким образом образуя власть, с оговоркой на то, что профессиональным воинством становились прежде всего дети господских родов.

Существовала ли этническая идентичность у якутов? Так, к приходу русских в основном на вопрос о том, кто они, якуты начинали указывать на свой «дьон», а не местность, поэтому в документах XVII в. можно находить выражения по типу «Борогонской волости, а живет в Намской волости, Трепека Ипеев». Это еще раз доказывает, что племенная идентичность стояла выше локализации в местности, где он проживал. Но у Сорошевского встречается обозначение «сахинская волость» о местах, где якуты проживают среди этнически другого населения.

Заключение

В целом общественный строй средневековых якутов представляет собою конгломерат небольших по масштабам вождеств и родоплеменных структур с умеренно эволюционирующим социальным расслоением общества со своим сложным комплексом религиозно-философского мировоззрения. Была своя уникальная форма производственных отношений – аласное скотоводство. Несмотря на очень высокую децентрализованность и обособленность дьон от процессов, близких к объединению, существовала своя этническая идентичность как саха и понимание существования общих предков, в частности это доказывается тем фактом, что в документах казаков находятся такие понятия, как «сахинская волость», когда якуты оказываются окружены иными народами. Продолжал существовать и развиваться свой мощный комплекс военного дела, который в целом идентичен народам Центральной Азии.

Литература

1. Боло, С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов б. Якут. окр. / СесенБоло; [Вступ. ст. Г. В. Попова]. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 319 с.
2. Ксенофонтов, Г.В., Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонтов; [отв. ред. акад. А.П. Окладников]; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – Москва: Наука, 1977. – 245 с.
3. Кулаковский, А.Е. Материалы для изучения верований якутов (Записки Якутского краевого географического общества. 1923 г.). 108 с.
4. Иванов, В.Н. Г.Ф. Миллер – историк и этнограф Якутии / В.Н. Иванов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск, 2005. – 19 с.

5. Линденау, Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока /Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. 3. Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. – Магадан: Кн. изд-во, 1983 – 176 с.
6. Сорошевский, В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд., – М., 1993. – 736 с.
7. Попов, Г.А. Тюркское государство на Средней Лене. Ранний общественно-экономический строй у якутов // Илин. – 1996. – № 3. – 94 с.
8. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов / Павлинов Д.Н., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. – Л., 1929. – 519 с.
9. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). Т. 1. Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов. – М.; 447 с.
10. Окладников, А.П. Социальный строй предков якутов // Советская этнография. – 1947. – № 2. – 121 с.
11. Токарев, С.А. Общественный строй якутов VII–VII вв. – Якутск: Книж. изд-во, 1945. – 414 с.
12. Иванов, В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015 (1966). – 468 с.
13. Гоголев, А.И. – История Якутии. 4-е изд., доп. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2017. 292 с.
14. Васильев, Ф.Ф. Раннеякутский улус: социальные и военные структуры // Этнос: традиции и современность: сб. науч. трудов. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 24 с.
15. Борисов, А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). – Новосибирск: Наука, 2010. – 272 с.
16. Парфенова, О.А. Харизма Тыгына в мифах саха: монография / О.А. Парфенова. – Якутск: издательский дом СВФУ, 2016. – 144 с.
17. Ушницкий, В.В. Роль и место якутского вожества – тойоната в управленческой структуре российской государственности в XVII в. 18 с.
18. Отражение общественного строя якутов в терминологии родства (XVII–XVIII вв.) / Гоголев А.И., Осипова А.П., Иевлева С.А. С. 28-32.
19. Башарин, Г.П. Общественный строй якутов начала XVII в. // Вопросы истории. – 1955. – №3. – С. 80–86.
20. Покровская, Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 81 с.
21. Покровская, Л.А. Гагаузские термины родства // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 1. – СПб.: Европейский дом, 1995. – 316 с.
22. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951. – 480 с.
23. Гоголев, А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Илин, 1993. – 200 с.
24. Гоголев, А.И. Лекции по исторической этнографии якутов: отв. ред. Е. С. Сидоров ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Якут. гос. ун-т. – Якутск : Якутский государственный университет, 1978. Ч. 1. – 1978. – 80 с.
25. Гоголев, А.И. Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII веке // Семья у народов Северо-Востока СССР. – Якутск, 1988. – С.89–98.
26. Васильев, Ф.Ф. Военное дело якутов / Под ред. д.и.н. проф. Д. Г. Савинова; Художник В.Р.Андросов. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. – 215 с.
27. Новик, Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур / Е.С. Новик. – 2-е изд., испр. и доп. –М. : Вост. лит., 2004. – 304 с.
28. Окладников, А.П. К истории этнографического изучения Якутии. Описание быта и нравов народов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768–69 и 1785 гг. / Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, С. 17-48.
29. Гоголев, А.И. Историческая этнография якутов (Вопросы происхождения якутов). – Якутск:Изд. ЯГУ, 1986. – 92 с.
30. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 615 с.
31. Трошанский, В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. – М.: Либроком, 2012. –228 с.

References

. Bolo, S.I. Proshloe jakutov do prihoda russkih na Lenu: Po predanijam jakutov b. Jakut. okr. / SesenBolo; [Vstup. st. G. V. Popova]. – Jakutsk: Nac. kn. izd-vo «Bichik», 1994. –319 s.

2. Ksenofontov, G.V., Jelljejada: materialy po mifologii i legendarnoj istorii jakutov / G.V. Ksenofontov; [otv. red. akad. A.P. Okladnikov]; Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, Jakut. fil., In-t jaz., lit. i istorii. – Moskva: Nauka, 1977. – 245 s.
3. Kulakovskij, A.E. Materialy dlja izuchenija verovanij jakutov (Zapiski Jakutskogo kraevogo geograficheskogo obshhestva. 1923 g.). 108 s.
4. Ivanov, V.N. G.F. Miller – istorik i jetnograf Jakutii / V.N. Ivanov; Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija). In-t gumanit. issled. – Jakutsk, 2005. – 19 s.
5. Lindenau, Ja.I. Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka): Istoriko-jetnogr. materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka / Per. s nem., podgot. teksta, primech. i predisl.
3. D. Titovoj; pod obshh. red. I.S. Vdovina. – Magadan: Kn. izd-vo, 1983 – 176 s.
6. Seroshevskij, V.L. Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija. – 2-e izd., – M., 1993. – 736 s.
7. Popov, G.A. Tjurkskoe gosudarstvo na Srednej Lene. Rannij obshhestvenno-jekonomicheskij stroj u jakutov // Ilin. – 1996. – № 3. – 94 c.
8. Materialy po obychnomu pravu i obshhestvennomu bytu jakutov / Pavlinov D.N., Vitashevskij N.A., Levental' L.G. – L., 1929. – 519 s.
9. Basharin G.P. Istorija agrarnyh otnoshenij v Jakutii (XV–XVII – seredina XIX v.). T. 1. Agrarnye otnoshenija s drevnih vremen do 1770-h godov. – M.; 447 s.
10. Okladnikov, A.P. Social'nyj stroj predkov jakutov // Sovetskaja jetnografija. – 1947. – № 2. – 121 s.
11. Tokarev, S.A. Obshhestvennyj stroj jakutov VII–VII vv. – Jakutsk: Knizh. izd-vo, 1945. – 414 s.
12. Ivanov, V.N. Social'no-jekonomicheskie otnoshenija u jakutov. XVII vek. – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2015 (1966). – 468 s.
13. Gogolev, A.I. – Istorija Jakutii. 4-e izd., dop. – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2017. 292 s.
14. Vasil'ev, F.F. Rannejakutskij ulus: social'nye i voennye struktury // Jetnos: tradicii i sovremennost': sb. nauch. trudov. – Jakutsk: JaNC SO RAN, 1994. – 24 s.
15. Borisov, A.A. Social'naja istorija jakutov v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremja: (opyt kompleksnogo issledovanija). – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 272 s.
16. Parfenova, O.A. Harizma Tygyna v mifah saha: monografija / O.A. Parfenova. – Jakutsk: izdatel'skij dom SVFU, 2016. – 144 s.
17. Ushnickij, V.V. Rol' i mesto jakutskogo vozhdstva – tojonata v upravlencheskoj strukture rossijskoj gosudarstvennosti v XVII v. 18 s.
18. Otrazhenie obshhestvennogo stroja jakutov v terminologii rodstva (XVII–XVIII vv.) / Gogolev A.I., Osipova A.P., Ievleva S.A. S. 28-32.
19. Basharin, G.P. Obshhestvennyj stroj jakutov nachala XVII v. // Voprosy istorii. – 1955. – №3. – S. 80–86.
20. Pokrovskaja, L.A. Terminy rodstva v tjurkskih jazykah // Istoricheskoe razvitie leksiki tjurkskih jazykov. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 81 s.
21. Pokrovskaja, L.A. Gagauzskie terminy rodstva // Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. Vyp. 1. – SPb.: Evropejskij dom, 1995. – 316 s.
22. Malov, S.E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti. – M.; L., 1951. – 480 s.
23. Gogolev, A.I. Jakuty (problemy jetnogeneza i formirovanija kul'tury). – Jakutsk: Ilin, 1993. – 200 s.
24. Gogolev, A.I. Lekcii po istoricheskoj jetnografii jakutov: otv. red. E. S. Sidorov; M-vo vyssh. i sred. spec. obrazovanija RSFSR, Jakut. gos. un-t. – Jakutsk: Jakutskij gosudarstvennyj universitet, 1978. Ch. 1. – 1978. – 80 s.
25. Gogolev, A.I. Social'naja organizacija i tradicionnaja sem'ja jakutov v XVII veke // Sem'ja u narodov Severo-Vostoka SSSR. – Jakutsk, 1988. – S.89–98.
26. Vasil'ev, F.F. Voennoe delo jakutov / Pod red. d.i.n. prof. D. G. Savinova; Hudozhnik V.R.Androsov. Jakutsk: Nac. kn. izd-vo «Bichik», 1995. – 215 s.
27. Novik, E.S. Obrjad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavlenija struktur / E.S. Novik. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Vost. lit., 2004. – 304 s.
28. Okladnikov, A.P. K istorii jetnograficheskogo izuchenija Jakutii. Opisanie byta i nraov narodov Jakutii, sochinennye v g. Jakutске v 1768–69 i 1785 gg. / Sbornik materialov po jetnografii jakutov. Jakutsk, 1948, S. 17-48.
29. Gogolev, A.I. Istoricheskaja jetnografija jakutov (Voprosy proishozhdenija jakutov). – Jakutsk: Izd. JaGU, 1986. – 92 s.
30. Dolgih, B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke. – M., 1960. – 615 s.
31. Troshhanskij, V.F. Jevoljucija chernoj very (shamanstva) u jakutov. – M.: Librokom, 2012. – 228 s..

А. И. Яковлев¹, Е. А. Николаев²

Жизнь современного якутского села (на примере с. Мэйик и с. Тамалакан Верхневилуйского улуса)

¹СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия,²Тамалаканская СОШ, Верхневилуйский улус, Россия

Аннотация. Изменения, происходящие в современном селе, привлекают внимание многих ученых и выступают в качестве предмета исследования разных отраслей наук. Обсуждаются социальные изменения, происходящие в сельской среде. В их числе миграция, демографические и инфраструктурные условия, социально-экономическое развитие, изменения в социокультурной жизни, адаптация сельских жителей новым условиям жизни, складывающихся в условиях кризиса культурной глобализации. Особенно актуализируется изучение сельской среды под призмой истории повседневности, попытки экстраполировать связующие элементы структуры повседневности, тем самым по-другому взглянуть на политические, экономические, социальные, культурные процессы в обществе, которые влияют на обыденную жизнь человека и в той или иной степени трансформируют мышление современных сельчан. Якутское село сегодня – это уникальная форма организации жизни, где тесно переплетаются традиции народа и процессы культурной глобализации. С изменением формата и уклада жизни назревает острый вопрос о будущем якутских сел: либо села смогут трансформироваться и найдут новые пути развития, либо со снижением числа жителей и интереса со стороны населения якутские села перестанут существовать. Данная статья рассматривает, какое место в повседневном пространстве занимает традиционное скотоводство.

Ключевые слова: якутское село, традиционное хозяйствование, сельская среда, сельчане, повседневность

A. I. Yakovlev¹, E. A. Nikolaev²

The life of a modern Yakut village: the case of Meyik and Tamalakan villages of Verkhneviluysky District

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia²Tamalakan Secondary School, Verkhneviluysky ulus, Russia

Abstract. The changes taking place in the modern village attract the attention of many scholars and act as a subject of research in various sciences. The social changes taking place in the rural environment are discussed. These include migration, demographic and infrastructural conditions, socio-economic development, changes in socio-cultural life, adaptation of rural residents to new living conditions emerging

ЯКОВЛЕВ Айтал Игоревич – к. и. н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии, Исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: aytalyakovlev@mail.ru

YAKOVLEV Aital Igorevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of World, National History, Ethnology, Archeology, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

НИКОЛАЕВ Егор Анатольевич – учитель истории и обществознания МБОУ «Тамалаканская СОШ», с. Тамалакан Верхневилуйского улуса, Россия.

E-mail: kurosakigosha@mail.ru

NIKOLAYEV Egor Anatolyevich – teacher of history and social studies, Tamalakan Secondary School, Tamalakan village, Verkhneviluysky District, Russia.

in the context of the crisis of cultural globalization. The study of the rural environment under the prism of the history of everyday life, attempts to extrapolate the connecting elements of the structure of everyday life are especially relevant. Thus, we can take a different look at the political, economic, social, and cultural processes in society that affect the everyday life of a person and transform the thinking of modern villagers to one degree or another. Yakut village today is a unique form of life organization, where the traditions of the people and the processes of cultural globalization are closely intertwined. With the change in the format and way of life, an acute question is brewing about the future of Yakut villages: either villages will be able to transform and find new ways of development, or with a decreased number of residents and the interest of the population, Yakut villages will cease to exist. This article examines what place traditional cattle breeding occupies in everyday space.

Keywords: Yakut village, traditional farming, rural environment, villagers, everyday life.

Под якутским селом, или наслегом (наслег – от *якут. нэһилиэк*) мы подразумеваем все деревни Республики Саха (Якутия). В Якутии, как и в большей части Сибири, деревни возникают после появления городов, что является фундаментальным отличием от остальной части России, где города «вырастают» из маленьких постоянных поселений, деревень, сел или монастырей. Якутским селом принято называть всю территорию сельского поселения, территориальное образование с центром в определенной деревне, где сельскохозяйственная деятельность является профилирующим видом деятельности или, по крайней мере, являлась таковым большую часть истории села. Часто внутри территории муниципального образования находятся маленькие поселения в несколько домов – участки, или отдельные частные или кооперативные участки сайылыки (сайылык – *якут. летник*).

Якутское село определяется не как районный центр или крупное по меркам Якутии поселение в 1000 или более жителей, а как среднее поселение от нескольких дворов до 700-800 человек. Если опираться на восприятие сельскими жителями своей деревни как места для жизни, то главным отличием от районного центра является отсутствие прежде всего крупной школы, больницы, культурно-досуговых учреждений. Также в беседе с жителями села выясняется, что отличие между селом и деревней (наслегом) лежит не только в социокультурных объектах, но и в заполнении досуга различными мероприятиями, наличии молодежных социокультурных движений и общественных мероприятий [12].

Надо отметить, что Якутия, неофициально делящаяся исторически сложившимися географическими «областями» на Западную, Центральную, Южную и Арктическую, имеет различные по размеру, ландшафту [6], климату условия проживания, а значит и различные структуры сельской повседневной жизни. Однако общность языка, культуры, целостность в юридическом пространстве (правила землепользования, различные республиканские, федеральные социальные программы для села), образовательная и культурная политика, социокультурные процессы федерального и республиканского уровня формируют общность проблем, потребностей и развития жизни в сельских поселениях.

Если отложить климатические и ландшафтные особенности на второй план, то вперед выйдет главное отличие повседневной жизни сел в Якутии – отдаленность от федеральных и республиканских дорог. Именно наличие круглогодичной дороги, логистики определяет структуру сельской повседневности, общественных настроений, разнообразия форм досуга.

Так, для описания сельской повседневности мы выбрали два населенных пункта Мэйик и Тамалакан, которые расположены по правому и левому берегам р. Виллой, расстояние между ними 105 км. Расстояние от с. Верхневиллойск до Тамалаканского наслега составляет 30 км, до Мэйикского наслега – 75 км.

География и население. Мэйикский наслег – один из старейших наслегов Верхневиллойского улуса. По социально-территориальному признаку Мэйикский наслег является административным и сельскохозяйственным центром. Муниципальное образование «Мэй-

икский наслег» расположено на левом берегу реки Виллой. Территория муниципального образования занимает 2098,50 кв. км. Расстояние от села Верхневиллойск до с. Сайбылык 75 км наземного пути, половина которого – федеральная трасса, вторая половина пути – грунтовая дорога муниципального значения.

Муниципальное образование «Тамалаканский наслег» расположено в 30 км восточнее улусного центра. Граница начинается от оз. Хоту – Тонгула, идет по улусу по р. Быракан, с южной стороны по сосновому бору ур. Нанах и доходит до устья р. Чаранг до места впадения ее в р. Быракан. Территория муниципального образования занимает 796,00 кв. км. По населенному пункту простирается ФАД «Виллой».

В обоих населенных пунктах численность населения не имеет существенных различий. Если сравнивать с началом 2000-х гг., в обоих наслегах наблюдается снижение численности населения, связанное, прежде всего, с влиянием процесса урбанизации и отсутствием рабочих мест для молодых специалистов. В основном в этих наслегах работающее население занято в школах, детских садах, больницах, ЖКХ, администрациях. Поэтому преобладающее большинство сельчан – это люди зрелого и пожилого возраста. Например, если в Мэйикском наслеге в начале 2002 г. население составляло 716 человек, то к 2021 г. стало 615 (-10%) [5]. В Тамалаканском наслеге аналогичная ситуация. В 2002 г. – 633, к 2021 г. – 590 (-7%).

По мнению Е.Г. Тоскина, лидера молодежного движения Тамалаканского наслега, в сельской среде на сегодняшний день зарегистрировано 140 человек в возрасте от 18 до 35 лет. Постоянно проживает около 60. Самой главной проблемой отмечает отсутствие участков для строительства домов. На молодежной улице на окраине села есть несколько домов, но там нет ни газа, ни оптоволоконного интернета. Также нет благоустроенных домов для приезжих молодых специалистов [11].

В Мэйикском наслеге, как и в других наслегах левого берега р. Виллой, отсутствует газоснабжение. В большинстве случаев дома отапливаются традиционными кирпичными печами, в остальных – при помощи печей-конвекторов. Есть также сравнительно новая улица, тоже названная Молодежная. Специфика этой улицы такова, что здесь в основном проживают молодые семьи. Каждый второй дом двухэтажный, и построены они по новым технологиям. Нельзя сказать, что молодежь активно стремится проживать в сельской среде, в основном остаются жить люди, имеющие постоянный доход от основной работы или имеющие мелкое либо среднее хозяйство.

Как и в любом другом современном якутском селе, в Мэйикском и Тамалаканском наслегах есть все важные для повседневной жизни учреждения. В Мэйикском наслеге функционируют начальная и средняя общеобразовательные школы с 70 учащимися (на 2022 г.), детский сад «Кунчээн» на 36 мест, КДУ на 200 мест, библиотека, отделение почты, АТС на 112 точек, 4 магазина (3 из них ИП), пекарня, маслоцех (производящий собственную молочную продукцию), филиал Верхневиллойского МУП ЖКХ, пилорама, фельдшеро-акушерский пункт, ветеринарный пункт. Еще в 2010-х гг. в Тамалаканском и Мэйикском наслегах, как и в большинстве сел Верхневиллойского улуса население отказалось от продажи спиртных напитков в магазинах. В магазинах в основном, продают продукты питания и бытовые товары. В Мэйикском наслеге в 2021 г. был отремонтирован спортивный зал. Ввиду того, что в 2019 г. старое здание школы было признано аварийным, учебные занятия стали проводить в здании бывшего фельдшеро-акушерского пункта и интерната. Спустя год и оно было признано аварийным, и школа переместилась в функционирующее здание местного учреждения культуры.

В отличие от Мэйикского наслега в Тамалаканском наслеге дети в школе получают среднее полное образование, хотя численность обучающихся с каждым годом идет на спад.

Как отмечает заместитель директора по учебной работе Тамалаканской СОШ Э.И. Егорова, это связано прежде всего не с показателями уровня рождаемости, а тем, что дети все больше стали после получения основного образования поступать в средние профессиональные образования (колледжи, техникумы и ПТУ). Не исключается также боязнь детей ЕГЭ. В декабре 2021 г. состоялось торжественное открытие нового здания школы-сада. В одноэтажном здании с общей площадью 2 435,1 кв. м. разместились школа на 100 учащихся и детский сад на 45 воспитанников, каждое учреждение имеет отдельный вход [8]. С 2014 г. Тамалаканская СОШ вошла в систему агропрофилированных школ в РС (Я). Особенностью этой школы является то, что педагоги здесь не только передают базовые знания, но и подготавливают и воспитывают будущих специалистов в сфере сельского хозяйства. Работники приучают детей к сельскохозяйственным работам, например, каждый год выращиваются картофель, огурцы, помидоры, капуста. Ученики участвуют в различных научных мероприятиях: НПК «Шаг в будущее», «Чугуновские чтения», республиканские и региональные олимпиады, олимпиады АгроНТИ и т.п.

Традиционное хозяйствование. Основу экономики в Мэйикском и Тамалаканском наслеге составляет сельское хозяйство. Главная отрасль – животноводство (мясомолочное скотоводство, мясное табунное скотоводство). В небольших количествах содержат кур и свиней.

С недавних пор люди стали участвовать в грантах РС (Я) в сфере поддержки сельского хозяйства. Благодаря поддержке сельского хозяйства с 2017 г. разведением табунного скотоводства занимается уроженец Мэйикского наслега Догуйев Тихон Петрович (глава КФХ). С 2019 г. разведением крупного рогатого скота СХПЖК «Сайылык» занимается Павлов Василий Владимирович. В 2021 г. Василий Владимирович, получив грант на строительство коровника на 100 мест, незамедлительно приступил к его реализации. Осенью того же года коровник на 100 мест был торжественно открыт при личном участии министра сельского хозяйства РС (Я) Александра Павловича Атласова [1]. Коровник стал первым в селе полностью обустроенным. Кроме самого коровника, есть комната отдыха, душевое помещение. Также в коровнике есть водоснабжение, что очень удобно в зимнее время. Василий Владимирович намеревается в дальнейшем увеличить количество скота. Для сельскохозяйственных работ предприниматель приобрел спецтехнику и оборудование: трактор МЗТ «Беларусь», «Синтай», машину «УАЗ», сенокосилку, пресс-подборщик сена и т.п. Также в планах создать новые рабочие места [7].

Занятие скотоводством, по мнению сельчан, является для сельской семьи необходимым условием экономически стабильной жизни, в основном для тех, у кого нет основной работы. Занятие традиционным видом хозяйства является обязательным условием проживания сельской семьи. Например, в Мэйикском наслеге, начиная с первого десятилетия XXI в. наблюдается прогресс в количестве крупного рогатого скота, который отображен в таблице 1.

Таблица 1

Поголовье крупного рогатого скота, лошадей, свиней и птиц в 2011–2016 гг. [2]

Год	Значения индикаторов (показателей)					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Крупный рогатый скот, из них	822	830	838	847	855	863
коровы	277	280	283	285	288	291
лошади	383	387	391	394	398	402
свины	8	8	8	8	8	8
птицы	56	57	57	58	58	59

Из таблицы 1 видно, что не только общее поголовье, но и показатели по всем животным год за годом растут.

В селе Тамалакан наблюдается аналогичная ситуация (табл. 2).

Таблица 2

Поголовье крупного рогатого скота, лошадей, свиней и птиц в 2011–2016 гг. [3, 27].

Год	Значения индикаторов (показателей)				
	2013	2014	2015	2016	2017
Крупный рогатый скот, из них	414	382	414	430	440
из них коровы	148	129	148	153	160
лошади	268	305	325	321	281
свиньи	17	32	40	50	60
птицы	6	32	35	40	50

Из таблицы 2 видно, что поголовье всего скота в Тамалаканском наслеге почти в 2 раза меньше, чем в Мэйикском наслеге, но намного превосходит количество содержания свиней и чуть больше птиц.

В соответствии с природно-климатическими и экономическими условиями в хозяйстве определилось и получило перспективное направление мясомолочное животноводство. По состоянию на 01 января 2013 года в наслеге зарегистрировано:

- 98 хозяйств частного сектора, которые держат 161 голову крупного рогатого скота и 83 головы лошадей, 15 голов свиней;
- 8 КФХ: 293 головы скота и 120 голов лошадей, 2 головы свиней;
- В наслеге работает сельскохозяйственный кооператив ООО «Сайдам», который держит 27 голов скота, 65 голов лошадей [3, 12].

По сведениям ветеринара Г.А. Пахомовой, в Тамалаканском наслеге есть коневоды, которые активно популяризируют мясное табунное коневодство. Опытные коневоды – Саввинов А.С., Дмитриев Н.А., Егоров М.Р., Трофимов А.И. и другие. В наслеге всего 37 семей разводят лошадей. Большинству семей лошади достались по наследству, и они продолжают ухаживать за ними. Несколько мужчин занимаются коневодством благодаря субсидированной помощи.

В семье опытного коневода Саввинова А.С. [9] коневодство является неотъемлемой частью повседневного быта. У супругов Александра и Марианны Саввиновых 5 детей: 3 мальчика и 2 девочки. Все они учатся в Тамалаканской средней школе. Глава семейства передает детям свои знания, умения и навыки по уходу за лошадьми. Кроме собственного потребления, семья активно участвует в улусных конных скачках.

Динамика изменения количества лошадей за последние 4 года отражена в таблице 3.

Таблица 3

Динамика изменения количества лошадей за 2018–2021 гг. [9]

Год	Общее количество лошадей	И них кобылы
2018	311	161
2019	289	155
2020	323	188
2021	358	184

Но, несмотря на это, за последние годы занятие традиционными видами хозяйства становится все менее популярным среди молодых семей и молодежи. Это обусловлено,

во-первых, тем, что под влиянием урбанизации молодежь стремится к городской жизни; во-вторых, в селе безработица среди молодых людей является типичным явлением из-за отсутствия соответствующих учреждений или предприятий (где, например, могли бы работать инженеры, строители, автодорожники и т. п.).

Также одной из основных причин, по мнению молодого населения, является специфика ухода за скотом. Образно говоря, люди, содержащие скот, в какой-то степени становятся их рабами. Круглый год, без выходных, дважды или трижды в день обязаны ходить в коровник, чтобы накормить коров и убрать за ними навоз. Взрослое и пожилое население иногда тоскует по советским временам, когда были коллективные хозяйства, отмечая, что в те времена почти все население работало в колхозах и совхозах.

Кроме скотоводства, население занимается огородничеством и овощеводством. Выращивают картофель, огурцы, помидоры, морковь, дыни, свеклу, зеленый лук, укроп и т. д. В основном используются традиционные орудия труда: мотыга (тыпка), лопата, грабли.

Такие занятия, как охота и рыболовство являются неотъемлемой частью повседневной жизни мужского населения, а также являются дополнительным источником пропитания, дохода. Основными пушными млекопитающими зверями, обитающими на территории Верхневилуйского улуса, являются соболь, ондатра, лисица, белка, заяц, колонок («солондо»), горностаи («кырынаас»).

Кроме охоты на пушных зверей, весной и осенью охотятся на уток и гусей. Охота на дичь всегда была тем видом охоты, который может выступать для мужского населения как отдых от повседневной рутины.

Охотничий промысел является важным элементом повседневной жизни многих мужчин. Хотя у каждого свой метод охоты, каждый охотник придерживается ритуалов и правил поведения на природе, почитает духа-покровителя «Байанай».

Рыболовство также наряду с охотничьим промыслом является важной составляющей в обыденной жизни селян. В отличие от Тамалаканского наслега в Мэйикском наслеге поблизости нет рек и речек, и рыбный промысел представляет собой озерную ловлю. Летом рыбачат сетями на карасей, вершей («туу») на крупных карасей и на гольяна («мунду»). Зимой рыбалка представляет собой «мунха» – подледная рыбалка неводом на карася. Традиционно в ней участвуют почти все жители села, и проходит она как праздник. Сельчане отдыхают от повседневной трудовой и хозяйственной рутины. После мунхи, независимо от количества, улов делят всем поровну.

Весной, как только спадут морозы, народ начинает готовиться к куйууру. Куйуур – один из древнейших традиционных промыслов якутов, способ ловли озерной рыбы: карасей и гольянов. Сейчас куйуур не только является традиционным видом рыболовства, но и выступает в народе как вид спорта. Почти каждый год организуются местные, улусные соревнования по куйууру.

Так, рассмотрев хозяйственную часть, мы затронули фундаментальные основы, на которых формируется современная среда, повседневная жизнь двух сел, которые находятся, казалось бы, в двух разных положениях – один наслег стоит рядом с федеральной трассой Вилуй, где асфальтированная дорога лежит буквально под окнами; другой наслег находится в полсотни километров от федеральной трассы и в 70 км от районного центра.

В ходе работы над статьей стало понятно, что структура повседневной жизни двух сел не сильно различается. Повседневность двух сел похожа друг на друга тем, что они «бытуют» практически в одинаковом социально-экономическом положении: отток населения, особенно молодежи, нехватка рабочих мест, отсутствие медицинской службы; схожее количество жителей, практически одинаковый тип хозяйствования – скотоводство, коневодство, рыбалка.

Можно сделать вывод, что федеральная трасса влияет на сельскую жизнь незначительно. Но это не означает, что жители не замечают дорогу, что она не имеет влияния на повседневность. Наличие товаров первой необходимости, расстояние до районного центра, мобильность сельских жителей формирует существование отличительных особенностей повседневности одной семьи, человека.

Литература и источники

1. Информационная библиография. Сетинны 19 күнэ 13:30 ч. [Электронный ресурс] // Саха Сирэ. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iO08Sp9T76c&t=511s> (дата обращения: 13.03.2022)
2. Муниципальное образование (МО) «Мэйикский наслег». Программа социально-экономического развития муниципального образования «Мэйикский наслег» 2011-2016 гг. Поголовье крупного рогатого скота, лошадей, свиней и птиц, – 2011, 18 с.
3. «Тамалаканский наслег». Программа социально-экономического развития муниципального образования «Тамалаканский наслег» 2013-2017 гг. – 2013, 51 с.
4. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Электронный ресурс] Росстат муниципальная статистика – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FMZmdFJyI%2Fchisl_%25D0%259C%25D0%259E_Site_01-01-2021.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 13.03.2022)
5. Яковлев, А. И. Развитие мелиорации в Якутии / А.И. Яковлев, Й.О. Хабек // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6 (63). – С. 62–72.
6. ПМА. Верхневилуйский улус, с. Мэйик. Павлов В.В. 1977 г.р.
7. ПМА. Верхневилуйский улус, с. Тамалакан. Егорова Э.И. 1965 г.р.
8. ПМА. Верхневилуйский улус, с. Тамалакан. Пахомова Г.А. 1978 г.р.
9. ПМА. Верхневилуйский улус, с. Тамалакан. Саввинов А.С. 1968 г.р.
10. ПМА. Верхневилуйский улус, с. Тамалакан. Тоскин Е.Г., 1984 г.р.
11. ПМА. Яковлев А.И. (Сунтарский, Верхневилуйский, Вилуйский улусы, 2018 г.).

References

1. Informacionnaja bibliografija. Setinn'i 19 kyne 13:30 ch. [Elektronnyj resurs] // Saha Sire. – Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=iO08Sp9T76c&t=511s> (data obrashcheniya: 13.03.2022)
2. Municipal'noe obrazovanie (MO) «Mejiksij nasleg». Programma social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya «Mejiksij nasleg» 2011-2016 gg. Pogolov'e krupnogo rogatogo skota, loshadej, svinej i ptic, – 2011, 18 s.
3. «Tamalakanskij nasleg». Programma social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya «Tamalakanskij nasleg» 2013-2017 gg. – 2013, 51 s.
4. CHislennost' postoyannogo naseleniya Rossijskoj Federacii po municipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarja 2021 goda [Elektronnyj resurs] Rosstat municipal'naya statistika – Rezhim dostupa: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FMZmdFJyI%2Fchisl_%25D0%259C%25D0%259E_Site_01-01-2021.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashcheniya: 13.03.2022)
5. YAKovlev, A. I. Razvitie melioracii v YAKutii / A. I. YAKovlev, J. O. Habek // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 6(63). – S. 62-72.
6. PMA. Verhnevilyuj'skij ulus, s. Mejik. Pavlov V.V. 1977 g.r.
7. PMA. Verhnevilyuj'skij ulus, s. Tamalakan. Egorova E.I. 1965 g.r.
8. PMA. Verhnevilyuj'skij ulus, s. Tamalakan. Pahomova G.A. (1978 g.r.)
9. PMA. Verhnevilyuj'skij ulus, s. Tamalakan. Savvinov A.S. 1968 g.r.
10. PMA. Verhnevilyuj'skij ulus, s. Tamalakan. Toskin E.G., 1984 g.r.
11. PMA. YAKovlev A.I. (Suntarskij, Verhnevilyuj'skij, Vilyuj'skij ulusy, 2018 g.)

– ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО –

УДК 34

Л. И. Анисимова

Общепризнанные принципы и нормы международного права – место в современной классификации источников права

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Недостаточная исследованность и неопределенность статуса и роли общепризнанных принципов и норм международного права в современной классификации источников права порождает немалое количество вопросов в юридической теории и практике. В статье рассматриваются общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве источника (формы) международного и национального права. Исследуется определение и природа общепризнанных принципов и норм международного права. Автором подчеркивается важность разграничения норм и принципов международного права как структурных элементов разных систем и предлагается новое синтезированное определение общепризнанных принципов международного права.

Ключевые слова: источник права, форма права, международное право, гражданское право, формы международного права, общепризнанные принципы международного права, общепризнанные нормы международного права, основополагающие принципы международного права, императивные нормы общего международного права, *juscogens*.

L. I. Anisimova

Universally recognized principles and norms of international law: their place in the modern classification of sources of law

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The insufficient research and uncertainty of the status and role of generally recognized principles and norms of international law in the modern classification of sources of law raises a considerable

АНИСИМОВА Луиза Ивановна – магистрант, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: monalyiza@mail.ru

ANISIMOVA Luisa Ivanovna – Master's student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Научный руководитель:

КУЗИМАНО Лариса Александровна – к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

KUZIMANO Larisa Alexandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

number of questions in legal theory and practice. The article considers generally recognized principles and norms of international law as a source (form) of international and national law. The definition and nature of generally recognized principles and norms of international law is being investigated. The author emphasizes the importance of distinguishing the norms and principles of international law as structural elements of different systems and proposes a new synthesized definition of generally recognized principles of international law.

Keywords: source of law, form of law, international law, civil law, forms of international law, generally recognized principles of international law, generally recognized norms of international law, fundamental principles of international law, imperative norms of common international law, juscogens.

Общепризнанные принципы и нормы международного права упоминаются в Конституции РФ, на первых страницах кодексов РФ и в других нормативных правовых актах и признаны несомненно важным, но вместе с тем и индефинитным включением правовой системы РФ.

Довольно широкое использование по сути должно было бы повлечь детальную изученность, но до сих пор наукой мирового международного права не выработано единственно верное определение и не исследована природа и содержание данного понятия. Л. П. Ануфриева отмечает, что причинами тому служит «отсутствие безусловной подтвержденности рассматриваемого термина нормами позитивного права» и «несовпадение подходов к квалификации явления «принципы международного права» со стороны отечественной и зарубежной доктрин, равно как и отсутствие единообразия внутри каждой из них» [1].

Институционально общепризнанные принципы МП определены как «императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо», а общепризнанная норма МП – «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного» [2]. Общепризнанным принципам МП по рецепции адаптировано усеченное определение императивных норм из Венской конвенции, а общепризнанной норме МП – идентичное по смыслу. Так и в юридической науке, и практике, как правило, оба понятия не разграничиваются. Но, по мнению В.В. Ершова, которое мы поддерживаем, «теоретически более обоснованно, а практически – продуктивно не отождествлять, а разграничивать принципы и нормы как международного, так и внутригосударственного права» [3, с. 293].

Понятие принцип стало использоваться слишком часто и широко в результате чего размылось потеряло конкретность и однозначность. А в системе права однозначность терминов имеет первостепенное значение.

Слово «принцип» обозначает «основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям. В античности онтологическое определение П. как субстанции, в своем существовании не нуждающейся ни в чем, кроме себя, делает возможным понимание бытия и основополагание философии как исследования вопроса о бытии» [4].

В праве принцип является фундаментальным, ключевым звеном системы – своего рода краеугольным камнем, на котором стоит и строится эта система. Выступает системообразующим, связующим, обеспечивающим согласованность различных форм права элементом и универсальным инструментом регулирования общественных отношений. Зная принципы права и руководствуясь ими, можно условно обозреть всю систему права, уловить ее суть. При этом принцип права отнюдь не может считаться началом, а является средоточием, концентрирующим в себе положительный исторический правовой опыт. Е.Т. Усенко справедливо полагает, что без основных принципов не может существовать система

международного права и что принципы занимают «в иерархической структуре международного права главенствующее системообразующее место, а все нормы международного права должны юридически соответствовать им» [5, с. 105].

Для наиболее полной передачи смысловой нагрузки в отношении общепризнанных принципов международного права теоретически более убедительно использование «собираательного» термина «основополагающие (общие) принципы международного права» [3, с. 296]. Далее в тексте будет использоваться термин «основополагающие принципы международного права».

В современной юридической науке и практике существует сложность идентификации основополагающих принципов международного права. Буквально каждый автор транслирует свое представление принципиальной составляющей как национального, так и международного права.

Рассмотрим основные международные акты, в которых отражены основополагающие принципы международного права.

В ст. 2 гл. 1 Устава Организации Объединенных Наций (1945) указаны принципы, в соответствии с которыми все ее члены имеют «суверенное равенство», «добросовестно выполняют принятые обязательства», «разрешают свои международные споры мирными средствами», «воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения», «оказывают ей всемерную помощь» [6]. При этом принцип невмешательства во внутренние дела государства применим только к самой ООН: «Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства» [6]. Непосредственно только ст. 2 содержит принципы, а в ст. 1 гл. 1, посвященной целям ООН, указаны принципы равноправия и самоопределения народов и справедливости, опираясь на которые развиваются мирные и безопасные отношения между нациями.

В Венской конвенции о праве международных договоров (1969) отмечены принципы, которые получили всеобщее признание и не были упомянуты в Уставе ООН: «свободного согласия и добросовестности и норма *pacta sunt servanda*» [7]. Подкреплено положение о том, что споры «должны разрешаться только мирными средствами и в соответствии с принципами справедливости и международного права» [7]. Отдельно выделен перечень принципов Устава ООН, который дополнен принципом «всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод», хотя и в Уставе он отсутствует [7]. Невмешательство во внутренние дела государства стало обязательным для всех государств.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970), кодифицированы все принципы, указанные в Уставе ООН и Венской конвенции, кроме принципа уважения прав человека, который отмечен в преамбуле. В преамбуле также дополнительно указывается принцип о том, что «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению» [8].

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975) представлен наиболее объемный по содержанию перечень, объединяющий в себе все принципы, указанные в ранних документах и дополненный нерушимостью границ, территориальной целостностью государств [9].

Итак, видно, что перечень принципов не статичен. Со временем появляются новые принципы, но в единичном количестве. Новые принципы или укореняются, например, как в случае с принципом всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод. Или, наоборот, не находят себе места, например, принцип, согласно которому косми-

ческое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению. Он весьма сильно выпадает из списка всех остальных принципов и тяготеет в большей мере к международной норме права или к международному отраслевому принципу, нежели к общему принципу, так как обладает конкретикой. Заметим, что он не указан в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Безусловно, не существует закрытого перечня основополагающих принципов международного права, состав и содержание принципов изменяется, подстраивается под запросы и условия современного мира. Но при этом процесс появления и признания нового принципа является долговременным. Обязательным условием признания принципа в качестве основополагающего является его закрепление, освидетельствование в международном акте.

Принципы в ранних актах выражены в форме глагола, имеющего несовершенный вид: «разрешают споры мирными средствами», «добросовестно выполняют обязательства» и т. д. В более поздних приобретают отвлеченный характер, выступая в виде абстрактного существительного: добросовестное выполнение обязательств, мирное урегулирование споров и т. д., что более характерно для обозначения принципов, к примеру, нравственных – честность, справедливость и т. д. Таким образом, можно выделить один из ключевых признаков основополагающих принципов международного права – обобщенный характер и отсутствие конкретики.

В международных актах принципы права употребляются наряду с категориями морали и нравственности, что подчеркивает важность принятия и действия этих принципов, но в то же время способствует смешению правовых и неправовых явлений. Поэтому при выявлении основополагающих принципов права важно учитывать их международно-правовой характер: вряд ли принцип справедливости, добросовестности можно отнести к основополагающим принципам международного права, хоть они и максимально приближены к праву.

Помимо указанных особенностей можно выделить такие базовые признаки основополагающих принципов международного права как фундаментальность и императивность. Важно подчеркнуть такое присущее принципам свойство, как причастность ко всему международному праву: «основные принципы, несомненно, видятся обладающими характеристикой устойчивого образования, т. е. имеющими принадлежность к международному праву в целом» [10].

Распространено мнение о том, что основополагающие принципы международного права выражены в правовых актах, но по своей природе принципы первичны, нежели правовые акты. Правовые акты и содержащиеся в них нормы права должны вырабатываться в соответствии с принципами права. Так, принципы права конкретизируются и продолжают в нормах права.

Итак, на счет принципов не возникает сомнений, что такая фундаментальная категория международного права существует и функционирует, чего не скажешь об общепризнанных нормах. Основополагающие принципы имеют специфический характер, выделяются из общей массы международного права. Общепризнанные же нормы исследователи и законодатель обходят стороной, фокусируя свое внимание на принципах и (или) нормах *juscogens*. Так, остается открытым вопрос, стоит ли выделять общепризнанные нормы МП как отдельную категорию и какие именно международные нормы являются общепризнанными?

На фоне сложившейся неопределенности, на наш взгляд, целесообразно отделить основополагающие (общие) принципы международного права от общепризнанных норм международного права. Основополагающие принципы международного права наделены статусом основного источника (на наш взгляд, формы) международного права, а обще-

признанные нормы логично не рассматривать наравне с основополагающими принципами международного права в качестве источника (формы) права, так как они являются элементами другой системы. Нормы будь то общепризнанные, международные или национальные – это не источник (форма) права, а его содержимое. «Нормы международного права содержатся в различных формах международного права и потому ... не могут содержаться в одном ряду (через запятую) с самостоятельными фундаментальными формами международного права» [3, с. 585].

Основополагающие принципы международного права довольно часто сопоставляют с *juscogens* – нормами общего международного права, имеющими императивный характер, отклонение от которых не допускается.

Комиссия международного права Организации Объединенных Наций в докладе своей семьдесят первой сессии (2019) представила неисчерпывающий перечень *juscogens*, представленный следующими нормами, на которые она ранее ссылалась и приписывала императивный статус: «а) запрещение агрессии; б) запрещение геноцида; в) запрещение преступлений против человечности; д) основные нормы международного гуманитарного права; запрещение расовой дискриминации и апартеида; е) запрещение рабства; г) запрещение пыток; ж) право на самоопределение» [11]. Данные нормы перефразируют и (или) предполагают, являются частью основополагающих (общих) принципов международного права. Например, запрещение агрессии равнозначно принципу неприменения силы или угрозы силой, право на самоопределение – принципу равноправия и самоопределения народов. Запрещение преступлений против человечности антиномично принципу уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех. Запрещение геноцида, запрещение расовой дискриминации и апартеида предполагают принцип равноправия и самоопределения народов, запрещение рабства и запрещение пыток – принцип уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех.

Теоретически представленный неисчерпывающий перечень возможно дополнить большим количеством норм международного права, которые вытекают из общих принципов и тогда он превратится в огромный кодекс. Не нагляднее и практичнее будет ограничиться малым количеством принципов, но не менее объемным по содержанию? Ведь принципы – это центральный элемент системы международного права, который концентрирует в себе эту систему и раскрывает ее. Добавим, что представленный перечень сложно назвать состоящим из норм, так как структура нормы предполагает, как минимум, две, традиционно – три составляющие: гипотезу, диспозицию, санкцию. Нормы здесь имеют обобщенный характер и минимум конкретики, что более характерно принципам права.

В текущей мировой политической ситуации остро ощущается первостепенная значимость международного права и его неустойчивость. Государства не могут обособиться и не взаимодействовать с другими государствами, поэтому важно стабилизировать основу регулирования этих отношений. От характера взаимодействия с внешними государствами зависит внутреннее состояние. Два уровня правопорядка неизбежно оказывают друг на друга влияние. Основополагающие принципы МП являются общими критериями правомерности как для форм международного, так и национального права: формы национального права не могут противоречить им в целях синхронного гармоничного сосуществования.

Для укрепления системы международного права государствам нужно прийти к осознанию создания устойчивой и единой нормативной базы, которая является наднациональной, что, безусловно, является сложным и непрерывным процессом, который не имеет образа, модели окончательного результата. В первую очередь необходимым является определение основных, общих понятий: не стоит множить и смешивать категории. В международном праве, которым руководствуется международное сообщество в целом, принципы – это его

фундамент наподобие универсального, общего правового языка, который понимают и на котором говорят все без исключения. Если фундамент не укрепился и не укоренился, то система международного права не прогрессирует и множатся конфликты между государствами, мир впадает в неопределенность.

На наш взгляд, напрашивается ревизия понятий международного права. Международное право нуждается в устойчивом и незыблемом центральном понятии, и категория «*juscogens*» в большей мере подходит на эту роль. Введение следующего определения кажется глубоко обоснованным: «*juscogens* – это основополагающие (общие) принципы международного права, признанные международным сообществом государств в целом и отклонение от которых недопустимо». *Juscogens*, выраженные в виде основополагающих (общих) принципов международного права, обладают иерархическим превосходством среди других источников (форм) международного права. Основополагающие (общие) принципы международного права исторически обусловлены и являются отражением основополагающих ценностей международного сообщества и призваны их защитить. В качестве основных признаков основополагающих (общих) принципов международного права можно выделить императивность, универсальность применения и системообразующий характер, который выражается в принадлежности ко всем формам международного права.

Критерии идентификации основополагающих (общих) принципов международного права: 1) принцип должен иметь общий характер, то есть одинаковую ценность и силу для всех членов мирового сообщества; 2) принцип должен быть принят и признан международным сообществом в целом или достаточно широким числом государств.

Литература

1. Ануфриева, Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или о принципах права вообще и о принципах в международном праве // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2018. № 11 (144). С. 122-133 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. – URL: Статья: Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или О принципах права вообще и о принципах в международном праве (Ануфриева Л.П.) («Lexrussica», 2018, N 11) – КонсультантПлюс (consultant.ru)(дата обращения: 03.02.2022).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» \ КонсультантПлюс (consultant.ru)(дата обращения 10.11.2021).
3. Ершов, В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2018. – 628 с.
4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с. // Словари и энциклопедии Gufo.me. [Электронный ресурс]. – URL: ПРИНЦИП – Новейший философский словарь (gufo.me) (дата обращения 12.11.2021).
5. Усенко, Е.Т. Очерки теории международного права. – М.: Норма, 2008. – 240 с.
6. Устав ООН – Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: Устав ООН – «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) \ КонсультантПлюс (consultant.ru)(дата обращения: 06.01.2022).
7. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заклучена в Вене 23.05.1969) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: «Венская Конвенция о праве международных договоров» (Заклучена в Вене 23.05.1969) \ КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения 15.11.2021).

8. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. – URL: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. | ГАРАНТ (garant.ru)(дата обращения: 01.02.2022).

9. «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975) – КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 03.02.2022).

10. Ануфриева, Л.П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) // Московский журнал международного права. 2021. № 1. С. 6-27 // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: [Электронный ресурс]. – URL: Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) (elibrary.ru)(дата обращения: 28.01.2022).

11. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 года). Глава V Императивные нормы общего международного права (juscogens) // Организация объединённых наций: [официальный сайт]: [Электронный ресурс]. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2019/russian/chp5.pdf>(дата обращения: 01.05.2022).

References

1. Anufrieva, L. P. Konstitucija RF i mezhdunarodnoe pravo: teoreticheskij vzgljad na ponjatie «obshhepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava», ili o principah prava voobshhe i o principah v mezhdunarodnom prave // LEX RUSSICA (RUSSKIJ ZAKON). 2018. № 11 (144).

S. 122-133 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. – URL: Stat'ja: Konstitucija RF i mezhdunarodnoe pravo: teoreticheskij vzgljad na ponjatie «obshhepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava», ili O principah prava voobshhe i o principah v mezhdunarodnom prave (Anufrieva L.P.) («Lexrussica», 2018, N 11) – Konsul'tantPljus (consultant.ru)(data obrashhenija: 03.02.2022).

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10.10.2003 N 5 (red. ot 05.03.2013) «O primenenii sudami obshhej jurisdikcii obshhepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10.10.2003 N 5 (red. ot 05.03.2013) «O primenenii sudami obshhej jurisdikcii obshhepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii» \ Konsul'tantPljus (consultant.ru)(data obrashhenija 10.11.2021).

3. Ershov, V.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij. – М.: RGUP, 2018. – 628 s.

4. Novejsij filosofskij slovar' / Sost. A.A. Gricanov. Mn.: Izd. V.M. Skakun, 1998. 896 s. // Slovarei i jenciklopedii Gufo.me. [Электронный ресурс]. – URL: PRINCIP – Novejsij filosofskij slovar' (gufo.me) (data obrashhenija 12.11.2021).

5. Usenko, E.T. Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava. – М.: Norma, 2008. – 240 s.

6. Ustav OON – Ustav Organizacii Ob#edinennyh Nacij (Prinjat v g. San-Francisko 26.06.1945) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: Ustav OON – «Ustav Organizacii Ob#edinennyh Nacij» (Prinjat v g. San-Francisko 26.06.1945) \ Konsul'tantPljus (consultant.ru)(data obrashhenija: 06.01.2022).

7. Venskaja Konvencija o prave mezhdunarodnyh dogovorov (Zakljuchena v Vene 23.05.1969) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – URL: «Venskaja Konvencija o prave mezhdunarodnyh dogovorov» (Zakljuchena v Vene 23.05.1969) \ Konsul'tantPljus (consultant.ru) (data obrashhenija 15.11.2021).

8. Deklaracija o principah mezhdunarodnogo prava, kasajushhihsja družestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdugosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob#edinennyh Nacij ot 24 oktjabrja 1970 g. // Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. [Электронный ресурс]. – URL: Deklaracija o principah mezhdunarodnogo prava, kasajushhihsja družestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdugosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob#edinennyh Nacij ot 24 oktjabrja 1970 g. | ГАРАНТ (garant.ru)(дата обращения: 01.02.2022).

gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob#edinennyh Nacij ot 24 oktjabrja 1970 g. | GARANT (garant.ru)(data obrashhenija: 01.02.2022).

9. «Zakljuchitel'nyj akt Soveshhanija po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope» (Podpisan v g. Hel'sinki 01.08.1975) // Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus». [Jelektronnyj resurs]. – URL: «Zakljuchitel'nyj akt Soveshhanija po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope» (Podpisan v g. Hel'sinki 01.08.1975) – Konsul'tantPljus (consultant.ru) (data obrashhenija: 03.02.2022).

10. Anufrieva, L.P. Principy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponjatija, prirody, genezisa, sushhnosti i sodержanija) // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2021. № 1. S. 6-27 // Nauchnaja jelektronnaja biblioteka eLIBRARY.RU: [Jelektronnyj resurs]. – URL: Principy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy ponjatija, prirody, genezisa, sushhnosti i sodержanija) (elibrary.ru)(data obrashhenija: 28.01.2022).

11. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Sem'desjat pervaja sessija (29 aprelja – 7 ijunja i 8 ijulja – 9 avgusta 2019 goda). Glava V Imperativnye normy obshhego mezhdunarodnogo prava (juscogens) // Organizacija ob#edinjonnyh nacij: [ofic. sajt]: [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2019/russian/chp5.pdf>(data obrashhenija: 01.05.2022).

А. Ю. Немчинов

Сибирское чиновничество в середине XIX века (на примере бюрократического аппарата Тобольской губернии)

Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье рассматривается деятельность царского сановника А.В. Арцимовича в период его нахождения на посту губернатора Тобольской губернии в 1854-1858 гг. Основное внимание уделено рассмотрению позиции Н.Л. Гондатти, уверенного в необходимости реформ, проводимых правительством, включавших переселенческую политику, меры по освоению новых земель, упорядочиванию землевладения и землепользования, созданию условий для выхода крестьян из общины, развитию свободного предпринимательства и самоуправления. Изучение взаимодействия центральной и местной властей, роли чиновников разных уровней в управлении позволяет оценить значимость и результативность реформ, проводимых в стране. Не все планируемые мероприятия оказались реализованными в полном объеме и поддерживались населением.

Ключевые слова: Россия в середине XIX века, Тобольская губерния, бюрократия, регионализм, местная власть, чиновничество.

A. Y. Nemchinov

Siberian officials in the mid-19th century: the bureaucratic apparatus of Tobolsk Governorate

Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia

Abstract. The article deals with the problems of the functioning of the bureaucratic apparatus of the local administration in Russia in the middle of the 19th century on the example of Tobolsk governorate. The main reasons for the low efficiency of the professional activity of bureaucracy in the context of the specifics of the region are analyzed.

Keywords: Russia in the mid-19th century, Tobolsk governorate, bureaucracy, regionalism, local authorities, bureaucracy.

История российской бюрократии всегда представляла интерес для исторической науки, особенно в последние годы в условиях системных преобразований в государственном аппарате управления и потребности в оптимизации управленческой деятельности на разных уровнях. Изучение организации сибирской администрации и специфики ее деятельности является тем более актуальным, что в Сибири в силу ряда ее региональных особенностей аппарат управления имел еще более важное значение, чем в Европейской России. Слабая заселенность, раннее преобладание русского населения над коренным, отсутствие помещного дворянства и государственная собственность на землю – все это придавало Сибири специфические черты, учитывая которые самодержавие было вынуждено корректировать свой курс на административную унификацию.

НЕМЧИНОВ Антон Юрьевич – аспирант 3 года очной формы обучения, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия.

E-mail: AnYuNemchinov@gmail.com

NEMCHINOV Anton Yuryevich – 3-year full-time postgraduate student, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia.

Окраинное положение сибирских губерний делало их удобным объектом для экспериментирования, вырабатывавшего общую программу реформ в сфере региональной политики. Однако поиск способных чиновников, согласных служить в Сибири, всегда представлялся непростой задачей для российского государства. После административных реформ М.М. Сперанского первой половины XIX века на высокой должности в Западной Сибири побывала целая плеяда опытных администраторов. Далеко не все они были достойными людьми и заботились о благе огромного края, а не о собственном кармане и благополучии. Такие, кто за короткое время смог сделать для Сибири много хорошего, были скорее редкостью. Современники практически единодушно высоко оценивали деятельность Виктора Антоновича Арцимовича на посту тобольского губернатора в 1854–1858 гг.

Так о личных и управленческих качествах Арцимовича выдающийся российский юрист и правовед Анатолий Федорович Кони отмечал в своих очерках и воспоминаниях: «В 1851 году уехал, сопровождая генерал-адъютанта Анненкова в западную Сибирь для наделавшей в свое время много благотворного шума ревизии управления нашим «золотым дном», во тьме и молчании которого ютилось не одно золото... С 1854 года он делается тобольским губернатором. Служба в далеком крае при безлюдье и громадных пространствах, была трудная и в виду значения Тобольска, как узла, связывающего в то время в себя все нити и пути ссылки – очень ответственная. Здесь Арцимович проявил себя впервые как горячий и настойчивый боец против того, что Ламартин называет «*la cruauté froide*» unsystemefaux», и имел возможность еще сравнительно молодым человеком доказать свои административные способности и осуществить на практике совет князя В.А. Вяземского о проявлении власти «сильной, но не досадливой». Притом Арцимович имел свойство привлекать к себе людей и выбирать себе добрых и надежных помощников. Он обладал не только знанием людей вообще, но что весьма важно для государственного человека – знанием личностей и умением призывать их к собственному труду». [5, с. 752–753].

Также в статье, посвященной памяти Арцимовича, А.Ф. Кони назвал его «человеком цельным, смелым и прямым». Он писал: «Человек он был! И этого «звания» он достоин, прежде всего и независимо от своего служебного положения. Человек в широком и лучшем смысле слова, человек в труде и в отдыхе, в отзывчивости и терпимости, в упорстве и горячности, в слове и деле». [4, с. 45].

Виктор Антонович упомянут с положительной стороны, в том числе и в советской историографии. Так, основоположник научной школы по изучению политической истории России второй половины XIX – начала XX веков П.А. Зайончковский выделяет Арцимовича как губернатора нового типа: «По окончании Крымской войны во второй половине 50-х годов ряд генерал-губернаторов и губернаторов, отличавшихся произволом и злоупотреблениями, были изгнаны с занимаемых постов. ... В это же время появляется новый тип губернатора, тип либерального просвещенного администратора, как, например, нижегородский губернатор бывший декабрист А.Н. Муравьев, тобольский, а позднее калужский В.А. Арцимович, самарский К.К. Грот» [3, с. 209–210].

И правда, будучи уже к 33 годам образованным и опытным юристом, В.А. Арцимович не только проявил себя строгим и энергичным главой губернии, но и подтвердил свою репутацию «законника» в наведении порядка в присутственных местах, в борьбе со взяточничеством, в улучшении положения политических ссыльных, раскольников и добровольных переселенцев. Несмотря на «безлюдье далекого края», Арцимовичу удалось найти верных помощников в разных сферах деятельности. Ему нравилось общаться с равными себе по уму и образованию людьми.

Прежде всего он привлек для работы в административном аппарате людей с высшим образованием, среди которых были и представители декабристского поколения. Известно,

что Арцимовичем, среди прочих и с разрешением столичного начальства, были приняты на службу С.М. Семенов и И.А. Анненков. Здесь следует отметить тот факт, что декабристы были уже в преклонном возрасте, и, как свидетельствовали очевидцы, они могли оказать помощь «не столько своею службою..., сколько участием в построении общественного мнения» [6, с. 102].

Работать новому губернатору было нелегко. Он получил в «наследство» совершенно расстроенное хозяйство, беззастенчивое взяточничество и беззаконие. В канцеляриях лежали без движения целые кипы бумаг. Никто их не читал и не принимал по жалобам хоть какие-то решения. В первое время Арцимовичу надо было рассматривать до сотни документов в день, чтобы разгрести эти «авгиевы конюшни». Губернатору приходилось трудиться с раннего утра и до позднего вечера. Ежедневно с утра он выслушивал несколько докладов: полицмейстера, глав строительной комиссии или приказа общественного призрения, начальников отделений общего губернского управления. Приходилось посещать тюрьму, арестантскую роту, городскую больницу. Даже во время обеда Арцимович обычно беседовал с кем-либо из приезжих или начальников губернских учреждений. И всегда рядом с молодыми приближенными чиновниками – «для их науки и внушения». Вторая половина дня отводилась на работу с делами и бумагами. Нередко Арцимович подвергал ревизии губернские присутственные места – губернское правление, казенную палату, губернский суд и др. Для этого он посещал с ревизиями всю обширную губернию, побывав в самых отдаленных ее уголках.

После первых же осмотров губернии молодой губернатор счел, что она, несмотря на усилия предшественников, находится в запущенном состоянии. Виктор Антонович сразу же занялся наведением порядка в губернских органах управления, заменив ряд чиновников, некоторые из них были отданы под суд за казнокрадство и волокиту. Большое внимание он уделял упрочению авторитета губернатора. «Власть начальника губернии, – писал Арцимович, – здесь находится в параличе. Здесь привыкли не уважать губернскую власть и голос ее ничтожен» [10, с. 161].

В начале 1855 г. он объехал с ревизией Тарский, Омский и Ишимский округа, в конце 1855 – начале 1856 гг. побывал в самом отдаленном Березовском округе, а в октябре 1856 г. посетил Туринский, Тюменский, Ялуторовский, Ишимский, Курганский округа и г. Петропавловск. Результаты ревизий вылились в ряд важных решений. Например, в Тюмени Виктору Антоновичу удалось доказать местному купечеству необходимость устройства в городе общественного банка: 3 купца изъявили готовность внести на это дело 53 тыс. рублей. [9, с. 73].

По итогу ревизий В.А. Арцимович пришел к выводу, что «при беспорядках и накоплении дел влияние высших чинов совершенно обессилено: они не могут требовать полной и правильной отчетности, деятельность их исчезает в массе бумаг, и на самом деле управление во многих отношениях незаметно переходит в руки делопроизводителей, которые, к сожалению, нередко находят расчеты и выгоды в проволочке и развитии дел, усиливающих их влияние и на начальников и на частных лиц» [9, с. 56].

Виктор Антонович Арцимович во многих своих документах, письмах и записках обращался к неизменно занимавшему его мысли сибирскому чиновничеству, его недостаткам и способам их исправления: «Текущество (по выражению подъячих) сильно препятствует всякому занятию, выходящему из круга обыкновенных бумажных докладов, которые притупляют ум и даже ослабляют нравственные силы. Много времени теряешь при разрешении глупейших сомнений, бессмысленных, но злонамеренных и стеснительных для частных лиц вопросов, часто после продолжительного доклада болит мозг от пустословия и разбора крючков, заброшенных опытными и полными лукавых замыслов сибирских ге-

ниальных подьячих, отдавая справедливость их превосходительству и уму, не могу не сожалеть, что вынужден управлять с помощью их, ими руководить и вести с ними близкое, а иногда даже притворно радушное знакомство» [7, с. 11].

Таким образом, Арцимович с самого начала своей работы пришел к выводу, что местные причины неустройства управления Сибири заключаются «в недостатке благонамеренных и способных чиновников. Право на вступление в государственную службу представлено у нас дворянству и, в некоторых случаях, лицам других свободных состояний, окончившим образование в высших учебных заведениях. Но как на всем пространстве от Урала до Восточного океана нет дворянства и нет высших учебных заведений, в коих бы могло приготавливаться юношество к гражданской службе, то местное начальство Сибири всегда встречало и ныне встречает непреодолимые затруднения к приисканию чиновников благонамеренных, способных и бескорыстных» [2, с. 13].

С начальством у Арцимовича тоже не всегда было взаимопонимание. Если для Г. Гасфорда регион оставался «огромным острогом», то молодой правовед Арцимович считал совершенно иначе: «Сибирь не есть страна для нас чуждая и предназначенная, как думают многие, исключительно для ссылки и наказания преступников. Сибирь есть часть России и одна из важнейших её частей».

Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, был человеком далеким от реального положения дел в крае. Чиновники безнаказанно грабили народ и казенные средства и, чтобы скрыть царивший на всех уровнях управления беспорядок, усложняли и запутывали ход служебных дел. Генерал-губернатор оставался в полном неведении о бесчинствах, происходивших в его ведомстве. Данный факт подтверждается и текстом неопубликованного письма Г.Х. Гасфорда к В.А. Арцимовичу от 18 апреля 1856 г. из Омска. В ответ на сообщение Арцимовича об исчезновении средств, предназначенных на строительство тюремного замка, Гасфорд отвечал: «О беспорядках и утратах по Тобольскому Тюремному комитету до сего времени не имел никаких сведений и, признаюсь, удивляюсь, как и Вы, противозаконным действиям виновных в этом деле чиновников, в особенности губернского стряпчего... Ущерб, нанесенный суммам Тюремного комитета, как видно из письма Вашего, должен быть значителен, и поэтому для меня непостижимо, каким образом злоупотребление это могло скрыться от предшественников Ваших» [1, с. 79].

Тобольские канцелярии вели свои дела напрямую с омскими канцеляриями Главного Управления. Начальники отделений омской канцелярии фактически распоряжались делами тобольской губернии. «...Я не преувеличу, если скажу, – писал Арцимович после приезда в Тобольск, – что власть начальника губернии находится здесь в параличе» [9, с. 28].

В.А. Арцимович обнаружил в Западной Сибири и совершенно не типичную для Европейской России ситуацию: канцелярия Тобольского общего губернского управления и канцелярия Главного управления вели дела без ведома своих начальников. При этом влияние генерал-губернаторской канцелярии простиралось до такой степени, что «требования ее исполнялись с необыкновенной поспешностью, между тем как самые строгие предписания генерал-губернатора и министерские, по несравненно важнейшим делам, нередко оставались по несколько месяцев и даже лет без исполнения» [9, с. 29].

Аргументируя недостатки Законоположения «О сибирских учреждениях» 1822 г., он предложил свою собственную систему иерархии государственных учреждений, пригодную для данного края по причине огромности масштабов территорий, а именно – ввести и усилить окружное и волостное управления. С помощью ступенчатого устройства властных органов, считал Арцимович, можно будет установить порядок в губернии. [1, с. 88].

Тобольский губернатор сумел проявить себя не только в роли талантливого бюрократа, но и в качестве крепкого хозяйственника. За четыре года губернаторства Арцимовича

Тобольск заметно преобразился. Арцимович основал здесь Мариинскую женскую школу, по его распоряжению были устроены ограждения предместий города от ежегодных наводнений, разбит городской сад. На окраинах Тобольска были устроены мосты через водотводные каналы, а в центре города – тротуары, в 1857 г. в городе было введено спиртовое освещение главных улиц, начато строительство трех пристаней на Иртыше. [8, с. 143–144].

Под руководством Арцимовича начала издаваться газета «Губернские Тобольские ведомости». Сам губернатор для ее издания приказал экстренно выписать из Петербурга печатные станки и типографские краски. Виктор Антонович принимал самое активное участие в наполнении издания интересными новостями. «Ведомости» сразу стали пользоваться огромной популярностью. Газета выходила большая, на 30 страниц. Они издавались еженедельно до 1918 г. Вокруг ее редакции сплотилась местная интеллигенция. Именно В.А. Арцимович поддерживал писателя П.П. Ершова, тогда инспектора Тобольской гимназии и создателя любительского театра. Вот что писал талантливый педагог и поэт в письме своим друзьям в Петербург: «Помощником пока один Бог, да истинно достойный начальник наш, тобольский губернатор Виктор Антонович Арцимович».

В 1858 году проявившего себя с лучшей стороны губернатора отправляют обратно в Центральную Россию. Пошли шепотки и разные слухи. Почему? Как всегда, сколько людей, столько мнений. Сибирские чиновники, и даже сам Г. Гасфорд якобы обрадовались избавлению от Арцимовича, который не раз вступал в конфликт с ним, самим генерал-губернатором Западной Сибири. Однако после ревизии Тобольской губернии Гасфорд в том же 1858 году записал в своем отчете в высокие инстанции: «При обозрении мною губернских присутственных мест и заведений в Тобольске я видел с удовольствием, что все управления, начиная с общего губернского управления, находятся в отличном состоянии» [8, с. 143].

Вполне вероятно, прямой начальник Арцимовича знал, что он переводится из Сибири в Россию, что считалось повышением. Дело в том, что именно в то время шла активная подготовка к отмене крепостного права. Правительство было заинтересовано в том, чтобы в этот сложный период слома привычного уклада на губернских постах сидели люди типа Виктора Антоновича. Таких энергичных управленцев в стране было мало, а приобретенный в Тобольской губернии административный опыт помог талантливому реформатору проявить себя в дальнейшем на самых ответственных постах.

Литература

1. Александрова, Н.Н. Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX века: По материалам «Тобольских губернских ведомостей»: Диссертация ... канд. ист. наук. – Москва, 1996. – 237 с.
2. Арцимович, В.А. Описание Сибирского края / В.А. Арцимович // Исторический архив. – 1996. – № 5–6. – С. 192–214.
3. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. – 288 с.
4. Звягинцев, А.Г. Самые знаменитые юристы России / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. – М.: Вече, 2003. – 412 с.
5. Кони, А.Ф. Очерки и воспоминания: (публичные чтения, речи, статьи и заметки) / А. Ф. Кони. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – X, 891, [1] с.
6. Лещов, А.Н. Извлечение из исторической записки А.Н. Лещова об общем управлении Сибирским краем // Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 101–102.
7. Матханова, Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии / Н.П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. – 2013. – № 3. – С. 10–14.
8. Мосин, О.В. Калуга и Калужане / О.В. Мосин. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 546 с.

9. Скропышев, Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // В.А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики. – СПб. : типография М.М. Стасюлевича, 1904. – С. 13–102.
10. Энциклопедический словарь А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1905. Т. 1 (доп.). С. 161.

References

1. Aleksandrova, N.N. Obshhestvennaja zhizn' Zapadnoj Sibiri v seredine 50-h – nachale 60-h gg. XIX veka: Po materialam «Tobol'skih gubernskih vedomostej» : Dissertacija ... kand. ist. nauk. – Moskva, 1996. – 237 s.
2. Arcimovich, V.A. Opisanie Sibirskogo kraja / V.A. Arcimovich // Istoricheskij arhiv. – 1996. – № 5–6. – S. 192–214.
3. Zajonchkovskij, P.A. Pravitel'stvennyj apparat samodержавnoj Rossii v XIX v. M., 1978. – 288 s.
4. Zvjagincev, A.G. Samye znamenitye juristy Rossii / A. G. Zvjagincev, Ju. G. Orlov. – M. : Veche, 2003. – 412 s.
5. Koni, A.F. Ocherki i vospominanija: (publichnye chtenija, rechi, stat'i i zametki) / A. F. Koni. – SPb. : Tip. A.S. Suvorina, 1906. – X, 891, [1] s.
6. Leshhov, A.N. Izvlechenie iz istoricheskoi zapiski A.N. Leshhova ob obshhem upravlenii Sibirskim kraem // Arcimovich V. A. Vospominanija. Charakteristiki. SPb., 1904. S. 101–102.
7. Mathanova, N.P. Tobol'skij gubernator V.A. Arcimovich i ego zapiski o poezdki na sever gubernii / N.P. Mathanova // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk. – 2013. – № 3. – S. 10–14.
8. Mosin, O.V. Kaluga i Kaluzhane / O.V. Mosin. – M.; Berlin: Direkt-Media, 2016. – 546 s.
9. Skropyshev, Ja.S. Tobol'skaja gubernija v pjatidesjatyh godah // V.A. Arcimovich. Vospominanija. Charakteristiki. – SPb. : tipografija M.M. Stasjulevicha, 1904. – S. 13–102.
10. Jenciklopedicheskij slovar' A.F. Brokgauza i I.A. Efrona. SPb., 1905. T. 1 (dop.). S. 161.

– ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ –

С. С. Атласова

К 85-летию Михаила Михайловича Хатылаева

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

S. S. Atlasova

To the 85th anniversary of Mikhail Mikhailovich Khatylaev

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

11 июня 2022 года отмечает 85-летие историк по призванию Михаил Михайлович Хатылаев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия).

В 1958 г. М.М. Хатылаев был единственным выпускником исторического отделения Якутского государственного университета, получившим диплом с отличием. «Мне казалось, – говорит он, – что историки больше всех знают не только про свою страну, но и про другие зарубежные государства, понимают их прошлое и настоящее и даже видят перспективы общественного развития». Поэтому Михаил Михайлович с выбором специальности определился еще в школьные годы. При этом в 1954 г. ему, закончившему Ытык-Кельскую среднюю школу с серебряной медалью, было предложено поступить на географическое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена, но данное предложение было отклонено.

После окончания Якутского госуниверситета свою трудовую деятельность М.М. Хатылаев начал учителем истории в Среднеколымской средней школе, в дальнейшем был назначен ее директором.

АТЛАСОВА Саргылана Серафимовна – к. и. н. доцент, Исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: ss.atlasova@s-vfu.ru

ATLASOVA Sargylana Serafimovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

В 1962 г. М.М. Хатылаев был приглашен на работу в университет ассистентом кафедры истории СССР, где выбрал научной темой историю промышленности. Из воспоминаний профессора: «Когда выбирал тему по истории золотодобывающей промышленности Якутии, по ней имелись лишь три опубликованные научные статьи. Между тем Якутия уже давно была известна как золотопромышленная республика, и ее индустриализация началась с развития именно этой отрасли. В 1930-е гг. именно трест «Якутзолото» являлся самым крупным в Советском Союзе по объему добычи металла. Здесь сформировался основной костяк рабочего класса ЯАССР. Кроме того, тема могла расширяться в плане исследования проблемы промышленного освоения Якутии в целом. Более того, она давала возможность выхода на историю сибирской золотопромышленности как составной части проблемы промышленного освоения этого обширного региона». В 1967 г. под руководством профессора И.М. Романова была защищена кандидатская диссертация на тему «История золотодобывающей промышленности Советской Якутии (1923–1937 гг.)». Выбранная научная тема оказалась очень актуальной и, после прохождения докторантуры под руководством профессора А.С. Московского, в 1988 г. в Иркутске в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР была защищена докторская диссертация «Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири в период строительства социализма (1921–1937 гг.)».

М.М. Хатылаев – ведущий специалист по истории промышленности и социально-экономических отношений в Якутии советского периода. Широко известны его труды: «Золотопромышленность Якутии», Якутск, 1972; «Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири (1917–1925)», Якутск, 1983; «Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири», Новосибирск, 1986; «Золото Восточной Сибири в стратегии форсированной индустриализации (1926–1937)», Якутск, 1997; «Политические деятели Якутии 1917–2003 гг.: первые лица», Москва, 2005; «Дальстрой НКВД (МВД) СССР в промышленном освоении Северо-Востока Якутии», Якутск, 2006; «Промышленное освоение Якутии: от истоков до 1946 г.», Якутск, 2010. Данные работы являются основной литературой для историков, изучающих вопросы развития промышленности в регионе. По оценке специалистов, в трудах М.М. Хатылаева поражает глубина и оригинальность мысли в сочетании с необычайной точностью и тщательностью проработки деталей при сохранении широкого исторического поля.

В университете М.М. Хатылаев прошел все преподавательские ступени от ассистента до профессора. Не прекращал он преподавательской деятельности, даже работая в академических институтах. По воспоминаниям коллег, кафедра истории Якутии под руководством М.М. Хатылаева имела особый благоприятный психологический климат. Коллеги, проработавшие с юбиляром до ухода его на заслуженный отдых в 2008 г., очень ценят его тактичность и деликатность. Михаил Михайлович Хатылаев всю жизнь занимается любимым делом, он внес существенный вклад как в становление и развитие исторического факультета и университета, а в целом исторической науки в Якутии.

М.М. Хатылаев – основатель якутской школы историков промышленности. Профессиональный опыт и человеческая культура позволили ему раскрыть творческий, научный потенциал многих преподавателей и студентов исторического факультета. Являясь ведущим преподавателем по истории Якутии, М.М. Хатылаев воспитал и подготовил не одно поколение профессиональных историков. Среди его учеников есть кандидаты и доктора наук, успешно защитившие свои диссертации под его руководством и работающие в научно-исследовательских и высших учебных заведениях страны. Для многих юбиляр – настоящий пример в жизни, учитель и наставник в деле изучения родного края и любви к нему.

Михаил Михайлович Хатылаев и сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, продолжает консультировать своих учеников, коллег и работать над научными темами. К 100-летию ЯАССР в 2022 г. вышел в свет трехтомник «История Якутия», в создании которого он принял активное участие.

Уважаемый Михаил Михайлович! Вы принадлежите к легендарному поколению историков Якутии, являетесь для многих примером и нравственным ориентиром. Позвольте выразить наше глубокое уважение и восхищение Вами как человеком, личностью, талантливым преподавателем и наставником, ответственным и вдумчивым исследователем. Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Искренне желаем Вам здоровья, благополучия и долгих лет жизни! Пусть каждый новый день дарит удачу и прекрасное настроение!

З. И. Корякина

Обзор всероссийской научно-практической конференции Северо-Восточного федерального университета «Российский уголовный процесс в эпоху перемен»

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Z. I. Koryakina

Review of the All-Russian scientific and practical conference of the North-Eastern Federal University «Russian Criminal Procedure in the Era of Change»

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

20 мая 2022 г. в рамках празднования 75-летия государственного и политического деятеля, народного депутата СССР, депутата Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) первого созыва, заслуженного юриста Российской Федерации, Почетного работника прокуратуры России, Почетного работника сферы образования Российской Федерации, кавалера ордена «Знак Почета», лауреата Государственной премии имени М.К. Аммосова в области государственного строительства, профессора кафедры «Уголовное право и процесс» юридического факультета СВФУ имени М.К. Аммосова Макара Макаровича Яковлева состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Российский уголовный процесс в эпоху перемен».

Организаторами конференции выступили Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Следственное управление Министерства внутренних дел России по РС (Я), департамент по государственно-правовым вопросам Администрации Главы РС (Я) и Правительства РС (Я).

В конференции приняли участие представители правоохранительных органов и образовательных учреждений, студенты, магистранты, аспиранты. Выступления студентов оценивались экспертной комиссией для определения лучших докладов и вручения дипломов I, II, III степени. Модератором мероприятия выступила заместитель декана юридического факультета по научной работе, к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса Зинаида Корякина.

Основными направлениями работы конференции обозначены:

- современное состояние уголовной политики и ее влияние на судебно-следственную практику;
- уголовный процесс в цифровую эпоху;
- новое сравнительное уголовно-процессуальное право;
- новая уголовно-правовая и уголовно-процессуальная политика;

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – к. ю. н., доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: z_koryakina@mail.ru

KORYAKINA Zinaida Ivanovna – candidate of law, associate Professor of Criminal Law and Procedure Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

- конституционно-правовые основы современного уголовного судопроизводства;
- проблемы уголовно-процессуального законодательства и практики его применения;
- процессуальные и криминалистические проблемы производства следственных действий;
- актуальные проблемы раскрытия и расследования коррупционных преступлений;
- проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе;
- актуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам;
- актуальные проблемы судебного производства по уголовным делам.

Первую часть мероприятия своим приветственным словом открыла руководитель Департамента по государственно-правовым вопросам Администрации Главы РС (Я) и Правительства РС (Я) Ольга Валерьевна Романова. Ею отмечена значимость конференции, вклад Макара Макаровича в общественное и государственное развитие, призвала активно включиться в противодействие с современной преступностью, особенно с использованием информационных технологий.

Также с приветственным словом в рамках открытия конференции выступил проректор по науке и инновациям СВФУ, кандидат геолого-минералогических наук Евгений Эдуардович Соловьев, который отметил, что в стенах университета конференция, посвященная уголовному процессу, проводится впервые и выбор направления обусловлен профессиональной деятельностью юбиляра профессора Макара Яковлева в органах следствия и прокуратуры.

От имени третьего организатора – Следственного управления МВД по РС (Я) с приветственным словом выступила заместитель начальника Следственного управления МВД по РС (Я) Ульяна Алексеевна Буинова. В ее речи прозвучали слова благодарности профессору Макару Макаровичу Яковлеву, юридическому факультету СВФУ за высокое качество профессиональной подготовки кадров для органов следствия МВД, которые доказали полную пригодность к следственной работе.

На открытии конференции также были оглашены итоги конкурса студенческих эссе «Моя будущая профессия – следователь». Цель конкурса – стимулировать творческую активность студенческой молодежи, ориентированную на обоснование привлекательности профессии следователя для будущего юриста. Председатель экспертной комиссии кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета СВФУ Арзулана Акрамовна Павлова отметила, что все 38 участников из разных образовательных учреждений г. Якутска справились с задачами конкурса, представили свой авторский продукт, лучшие будут опубликованы в сборнике конференции.

Вторую часть конференции открыл Александр Семенович Шаталов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного Комитета России с докладом о российском уголовно-процессуальном законодательстве как движущей силе в деле повышения эффективности содержания и форм правоохранительной деятельности. Выступление было посвящено двадцатилетию вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса РФ и раскрыло основные этапы развития действующего законодательства с учетом новшеств, которые изменили устоявшиеся предыдущие представления об уголовно-процессуальной деятельности как основной части правоохранительной сферы. При этом профессор более подробно остановился на причинах таких новшеств и ожидаемых результатах с анализом действующей правоприменительной ситуации.

Участие в заочном формате приняли Евгений Петрович Ищенко, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, академик Российской Академии естественных наук, заведующий кафедрой криминалистики Москов-

ского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина с представлением статьи на тему о проблемах раскрытия и расследования преступлений.

В этом формате продолжил Борис Николаевич Нескородов, кандидат юридических наук, доцент, член экспертного совета по противодействию коррупции при Президенте РФ, доцент кафедры административно-правовых дисциплин факультета права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ с представлением статьи о вопросах использования гражданско-правовых механизмов в противодействии коррупции в РФ. Согласно его мнению, недостаточно широко используется возможность применения не только уголовно-правовых методов борьбы с коррупцией, но и административных и гражданско-правовых институтов для достижения ситуации «невыгодности» коррупционного поведения. Поэтому им обоснована идея, что противодействие коррупции предполагает соответствующую деятельность государства, а не PR-кампании с использованием проблем коррупции в стране. По мнению автора, введение более жесткой и последовательной деятельности правоохранительных органов по обращению в доход государства любых активов должностных лиц, которые не получают подтверждения законности их происхождения, — это существенный фактор, делающий бессмысленной коррупционное обогащение.

С докладом о некоторых актуальных вопросах уголовного процесса выступил Макар Макарович Яковлев, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник прокуратуры России, лауреат государственной премии имени М.К. Аммосова в области государственного строительства, профессор кафедры уголовного права и процесса ЮФ СВФУ. Им затронуты вопросы изменения уголовной и уголовно-процессуальной политики на фоне международных санкций в отношении России, в т.ч. о признании международного права как источника в уголовном процессе. Дана оценка тем процессуальным положениям, которые были введены в связи с членством России в международных организациях, а также затронуты дискуссионные аспекты о возвращении к национальной модели, например, к институту народных заседателей, общественного участия в правосудии. Также им затронуты проблемы процессуальной самостоятельности и независимости профессиональных участников производства по уголовному делу, изъятия следователя из перечня участников обвинения, совершенствования института уголовного преследования и обвинения, возмещения ущерба потерпевшей стороне.

Особое внимание вопросам применения судебного штрафа как основания прекращения уголовного дела в своем выступлении уделил Тимир Павлович Пинигин, прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного Комитета РФ по РС (Я), юрист 2 класса. По его мнению, УПК РФ не регламентирует порядок принятия судебного решения о рассмотрении ходатайства о судебном штрафе, что приводит к разобщению правоприменительной деятельности и проблемам формального подхода к разбирательству, нарушениям сроков производства, обеспечения участия подозреваемого (обвиняемого) в судебном разбирательстве. В этой связи им предложены оптимальные пути формирования правильной уголовно-процессуальной практики применения норм о судебном штрафе.

Екатерина Викторовна Попова, старший следователь Следственного управления МВД по РС (Я), подполковник юстиции выступила с докладом о новеллах законодательства РФ при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях. Ею представлен анализ основных признаков квалификации преступлений в указанной сфере, раскрыта специфика расследования и требования к применению не только уголовного, но и бланкетного законодательства.

Выступление Александра Николаевича Бердникова, старшего преподавателя кафедры уголовного права и процесса ЮФ СВФУ, почетного работника сферы высшего образования РФ, было посвящено актуальным проблемам уголовно-правовой политики РФ. Так, основное внимание им уделено определению уголовной политики, ее субъектам, основным направлениям, тенденциям развития в современный период, проанализированы проблемы и проведен обзор научного мнения об их устранении. Были также озвучены проблемы нерационального правотворчества, кризис системности уголовного закона и излишнего вмешательства непрофильных отраслей права, отказ от науки.

Алена Егоровна Григорьева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ЮФ СВФУ, выступила с докладом о востребованности мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. По ее мнению, в настоящее время система альтернативных заключению под стражу мер пресечения все еще находится в стадии становления, требует разрешения проблемных вопросов и законодательной доработки. Вместе с тем прослеживается общая тенденция к повышению востребованности этих альтернатив, позволяющих отойти от излишнего ограничения свободы при применении заключения под стражу, что, в свою очередь, будет способствовать экономии принуждения и гуманизации российского уголовного судопроизводства.

В докладе Зинаиды Ивановны Корякиной, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного права и процесса ЮФ СВФУ, отмечены основные проблемные аспекты соотношения правоприменительной практики с уголовно-процессуальным законодательством, регламентирующего право на защиту в уголовном судопроизводстве. Так, ею констатируется, что законодатель не в полной мере учитывает перечень лиц, нуждающихся в обеспечении права на защиту, согласно судебному толкованию, этот состав лиц намного шире и разнообразнее, чем в традиционном понимании в лице подозреваемого и обвиняемого. Поэтому законодательство требует дополнения для более подробного правового регулирования процессуального статуса всех лиц, нуждающихся в обеспечении права на защиту, особенно в стадиях досудебного уголовного судопроизводства.

Любовь Львовна Васильева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Института государственного администрирования г. Москвы, представила доклад, в котором отражены основные результаты проведенного ею научного исследования о некоторых вопросах участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Отмечено, что уголовно-процессуальный статус переводчика нуждается в детализации, поскольку законодательно не определены основные требования к обеспечению его участия в производстве по уголовному делу, гарантии качества перевода, соотношения интересов участников перевода и регулирования противоречий.

Третья часть конференции посвящена выступлениям студентов, которые оценивались экспертной комиссией для определения лучших докладов. Всего участие приняли 13 студентов, 4 из которых представляли высшие учебные заведения г. Москвы.

В силу повышенной актуальности темы цифрового пространства большая часть выступлений была связана с вопросами цифровизации правоохранительной деятельности, вызванных не только ее совершенствованием, но и необходимостью противодействия киберпреступности. В этой части студенты представили свое видение по проблемам уголовной политики по противодействию мошенничеству, коррупции в условиях цифровой среды, правоохранительной деятельности по обеспечению информационной безопасности на современном этапе, криминализации преступного преследования, в т.ч. с использованием социальных сетей, использования видеоконференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам.

Проблемам уголовного судопроизводства были посвящены выступления на тему об актуальных вопросах судебного производства по уголовным делам, о преобразовании современного уголовного процесса в цифровую эпоху, о доказывании при особом порядке судебного разбирательства по уголовным делам частного обвинения, иным способам собирания доказательств, досудебном соглашении о сотрудничестве.

Особый интерес у слушателей конференции вызвали выступления студентов на тему о проблемах использования метода психологического профайлинга в уголовном процессе Российской Федерации, а также современном уголовном праве Германии как примера для подражания или предостережения.

В целом все представленные доклады соответствовали требованиям выполнения самостоятельных научных исследований с соблюдением авторского права.

От имени юридического факультета выражаем благодарность руководству Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова за финансовое обеспечение данного мероприятия.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. К. АММОСОВА
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.
HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»**

Сетевое издание

№ 2 (26) 2022

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Формат 70х108/16.

Дата выхода в свет 30.06. 2022.